ВЛАДИМИР ДАНИЛУШКИН

Записки от старости

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Владимир Данилушкин

Записки от старости. Ироническая проза

«Издательские решения»

Данилушкин В. И.

Записки от старости. Ироническая проза / В. И. Данилушкин — «Издательские решения»,

Это записки малых форм моего героя, почти ровесника мне.Есть у киношников прием, называемый лупой времени: по кадрику, по кадрику, и на экране расцветает в несколько мгновений цветок: живи, живи на Колыме до упора, станешь трижды ветераном Крайнего Севера, а Магадан останется самым молодым городом Дальнего Востока. От него пусть исходит энергия и вдохновение, которыми ты с товарищами его зарядил.

© Данилушкин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Ванька – угадка 6
Коза у козаностры 8
Я плыл по теченью 13
Без ци мне не жи 16
Выходя из образа 20
Мимо наследства 22
Киборг? Кабарга! 23
Капель-купель 25
Пал Пална 28
Как рыба об лед 30
Опа онанай 35
Юзеры – юрлица 38
Компы без помпы 46
День ги 47
Та еще нищета 50
Я полюбил… 53
Особые приметы 56
Побочный эффект 58
Удар молотком 62
За Арманью 63
Медвежий край 65
И птичка вылетает 66
На перевале 68
И вот блаженство 70
Кино и Немцов 72
Пипл возродится 74
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Записки от старости
Ироническая проза
Владимир Данилушкин

© Владимир Данилушкин, 2016

ISBN 978-5-4483-0671-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ванька – угадка

– У тебя Гаря, – объясняю внуку, – ранец.
А у солнышка – протуберанец

Похоже, летели той сумасшедшей ночью, когда глючил комп, на головы магаданцев вместе с зимним дождем килотонны волн-частиц из раскаленного тела солнышка, не давая вспомнить, какое мне лекарство было назначено пять лет назад в похожей, сбивающей с ног, ситуации. Поразительно, как совпало: я ведь только что перечитывал дневниковые записи ноября 05-го года, живо припоминая, как швыряло меня от стенки к стенке. Как убеждал я тогда себя: «Головой не шевельни, а то оторвется!». Надо было и рецепт врача в тетрадь подклеить. И неспешно разобраться, какая сила лишала устройчивости – уж не полтергейст ли. Фраза «поставить к стенке» вдруг предстала новым, неожиданным ракурсом.

В том году четверо знакомых мужиков умерло. От рака. Это как-то напрягает. И валит.

Имена у болезней иноземные, названия лекарств – сплошь латынь. А я же русский, зачем мне иностранщина? Я назову хворобу насморком и стану лечить домашними средствами. А не поможет, не обессудь, смертушка, тебя придется побеспокоить. Вон Чехов последнюю свою фразу по-немецки произнес: «Ихь штербе».

В 2005-м году, 13-го мая умер на руках старый кот Макс. Когда в последний раз слабо потерся о мою руку, представилось, что вот так же и мой час настанет, бессильно откинется мертвая голова.

Когда заерундил компьютер, живо вспомнилась кончина Черныша. И опять жалость к себе подступила. Еле сдержался. Отодвинулся от клавиатуры, а то ведь бывало не раз, мужчины ставят главную точку всей головой. По себе знаю: выспался однажды на клаве (так на сленге клавиатуру называют). Но вы их не слушайте, на самом деле просто уронил голову на секунду-другую. Да не на клавиатуру, а на стол, дал возможность глазам проморгаться. Как раз были включены два компа, в этом есть свой шарм, если не сказать шрам: фильмы гоняешь, а на втором – тексты. Один уж больно глючил: от сопереживания, того и гляди, оборвется сердце.

Кот был идеальный собеседник: сквозь понимающий прищур, величаво, как пращур, молча глядел с пентиумного монитора, свесив плешивый хвост на экран. Ему собаки подрали, а клетки шерсти хвоста, как клетки мозга у человека, не возобновляются.

До сих пор тот бесполезный монитор не решаюсь выбросить, а уж новый ноутбук успел состариться за восемь-то лет, наплодил в себе электронной ядовитой пыли. На экране собирается она, твердая донельзя, ей бы алмазы шлифовать. Но алмазов у меня нет, а вот в глаза эту пылюку, подобную пулям, пускать никак нельзя. Надо сентиментальные песни слушать, чтобы до слез пробирало. Я как завожу на плейере цыганские романсы, домашние стараются меня не трогать, понимают: промывка.

Кошачий год на семь множат, чтобы получить истинный возраст зверя, а компы снашиваются и того быстрей. Правда, для них предусмотрены запчасти.

Макс по кошачьим меркам целый век прожил. А железные создания с магнитными мозгами очень быстро стареют, это в них производителями заложено для ускорения технического прогресса и долларооборота.

Как правило, компы старят и своих владельцев. В 09-м году другой мой ноутбук, что в конторе, надорвался, будучи двухлетним, в нем все, что я сочинял, зернышко к зернышку притирал, погибло. Что снимал на цифровую камеру, растаяло. Несколько дней ходил, как убитый, не верил, что такое бывает. Заменили потом жесткий диск, воскресили тексты

и фотки. Не все, конечно, есть и безвозвратные потери: файлы, порезанные вирусом в лапшу. Вот ведь изверги какие есть на свете. Как только их мать сырая земля носит?

Пострадал совсем новый диск, да и прежний был нестарый, опять накрылся тазом для варки брусничного варенья. И как совпало, обратите внимание: синхронно пострадал человек, петербургский друг-приятель Стас, схлопотал микроинсульт с потерей речевой и двигательной активности. Какая тут взаимосвязь, да и есть ли она? Совпадение, наверное. Телепатия между мозгом и жестким диском. Мы со Стасом электронными сообщениями обмениваемся. Как искусственное дыхание изо рта в рот.

Потом-то и питерец, и железный японодружок оклемались. То-то мне радости! Но веры не стало ноутбуку. Приходилось перестраховываться, делать копии. Нет надеги. По отдаленным последствиям похоже на автомобильную катастрофу: можно битый, искореженный мобиль и выправить, и отрихтовать, а полностью положиться на него уже нельзя: в критический момент сложится гармошкой, и «тына, тына у Мартына», сыграет вальс Шопена для чахохбили под кизиловым соусом. Сам-то в такую передрягу не попадал, к счастью, и нельзя зарекаться.

Надпись на полях 2012-го года. Опять провал. Захожу по месту бывшей работы, а комп опять в обломе.

Еще Пушкин говорил: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной». Денег казенных за казенный ноут я отвалил немало, но есть компьютерная фирма, которая продает еще дороже, и по праву, и по справедливости: ведь каждой деталюшке проверку задает, а уж потом отправляет на сборку. Отсюда долговечность, надежность. Вот на что надо делать ставку, понимаешь с годами. Когда шарахнет судьба разок-другой.

(Есть такое понятие – японская сборка, противоположность японской разборке якудзе). так вот это не японская сборка.

Прошло время, я успокоился. Так уж человек устроен, что верит в прочность карточного домика. И у меня не из слоновой кости башня. Даже не из моржового бивня и китового уса. Сижу я за компом, как в танковой башне, в ус не дую, сочиняю. Не спускаю энергию в свисток. Я сам с усами. А комп напрягся, предчувствуя ключевое слово Усама. Всеми своими вирусами готов в бой ринуться. Сдать меня, куда надо.

Где, где – у тебя на бороде. И у меня в усах, поскольку сам с усами. Самсунг…

Коза у козаностры

Стрелял Сережа в яблочко: недалеко
от яблони упало: у фирмы «Эпл»
своя операционная система, вирусам не по зубам
Понадкусанное яблочко – небось, Явлинский.

Еще один ужастик на фоне желчной горечи. С дробью подробностей. Дело прошлое, на Новый, 09-й год было. Настольный комп, на котором работала Гавриловна, секретарша конторы, я тогда еще не уволился, вдруг дико засвоевольничал: трехэтажные словесные формулы на нем высветились! Пришла женщина поработать на выходные, трудогольную страсть потешить, а тут такое! Изображение забора на рабочем столе высветилось, а на нем те самые короткие забористые слова, как бы из флакончика с краской выплеснуты!

«Черное слово отнимает от жизни, а красное словцо порой румянит нам лицо», – припомнилось некстати. Открывает другие файлы, открывает, остановиться не может, щеки пылают, лоб горит, а вместо ожидаемых документов такая же блинопись. Вспомнила, вернее, никогда не забывала женщина покойного мужа, матерщинника: даже он так не умел загибать. Не выплескивал, в себе держал. Потому рано ушел за горизонт, как говорят маркшейдеры. Вообще-то был спортсменом, шахматистом-разрядником. Легко ставил мат – простой и трехэтажный.

И у бухгалтера Марфы Тернопольской в тот тоже день посыпалась база данных, а вся зарплата, считай, посчитана. Снова да ладом начинай. Она тоже, как по телепатической команде, пришла на рабочее место, частично отгуляв новогодние каникулы. Уж лучше бы ей вино-пиво пить, да непьющая в доску. Чай и то без заварки швыркает: белая роза.

Обе женщины, вдовы с огромным стажем, сидели в кабинете, слова непечатные читали на мониторе, друг на друга смотрели, краснели, глазами луп-луп, плечами жим-жим. От обильных слов и выражений, непроизнесенных, а потому вдвое ядовитых, сделались как тряпичные куклы.

Отчего, почему? Похоже, вирусы? Что-то такое слыхали краем уха. Но откуда? Воздушно-капельным путем компьютерная инфекция не передаются вроде. Надо уточнить…

У кого? Ну, ясно. На все вопросы один ответчик, Иван Петрович – свет в окошке. Заходит изредка: умный, красивый, курчаво бородатый. Без седины. Запах от него, непьющего, некурящего – приятен женскому сердцу. Феромоны. Несколько лет помещение для партии содержал, в надежде, что сила несметная, общественная оправится от ран, расцветет, и сберегаемая квартира превратится в штаб-квартиру.

Обе женщины любезно составляли по просьбе кудреватого отчет для налоговых и других контролирующих органов: мол, никакой деятельности не велось, средств на счет поступило ноль рублей, ноль копеек, потрачено ноль рублей ноль копеек. Смешно? Да нет, грустно. Развелось по всей стране таких контор тьма. Они на нулях рублей себе занятость делают, бумаги туда-сюда гоняют тоннами.

Не предъявишь отчет, будешь иметь бледный вид, а чтобы ту мудреную бумагу составлять, надо обладать особо устойчивой психикой и сноровкой. Только женщина на такое способна. А комп – он, несомненно, мужик. Не вытерпел, сорвался. Что хочешь, то и думай. Зайца можно научить спички зажигать, а компьютер употреблять энергичные выражения – без проблем. Вон Георгич – компьютермен, отрегулировал свой так, что все операции ему со словесным сопровождением производит: «начинаю копирование», «заело бумагу», «кончилась краска». Самое забавное, никаких неполадок, просто поговорить компу охота. Само-

стоятельно освоил некоторые слова и выражение и вставляет изредка в ходе трудового дня: «блин», «нна», «щука».

Иван Петрович женщинам материалы на дискетках приносил, на «квадратиках». Вполне возможно, где-то заразил вирусом. Недаром поговорка есть: коль повезет – от собственной, сугубо русской жены, французский насморк словишь…

Внутрипартийная борьба, опять же, – делился раздумьями вслух Иван Петрович, поглаживая бороду. – Могли подкинуть политические противники. Чем черт не шутит? Воспользовались, пока не было в городе. А ездил в Новую Зеландию – во как! Повезло: там по основной специальности новозеландцам устроить презентацию. Как мы с другом Валеркой говорили в детские годы: «показать класс школы игры на патефоне».

Иван Петрович с детства слыл удачливым геологом: еще школьником нашел килограммовый золотой самородок во дворе дома, где жил, неподалеку от современного «Восхода». Почему-то его, как магнитом, тянуло рыться на помойке. Потом специальные люди и так, и этак школяра проверяли, агентурно просвечивали, родителями придирчиво интересовались. Родственниками – и близкими, и дальними. Которые до Октябрьского переворота.

Хорошо еще, специалисты, друзья отца, вступились, доказали, что по химическому со +ставу самородочек идентичен тем, что на «Мальдяке» находят. Как попал в город? Этого никто не знает. Во всяком случае, криминала не выявили, а парень вследствие повышенного внимания к своей персоне, на «ура» поступил на геофак и показывал в дальнейшем блестящие результаты. Прозвище к нему приклеилось: Ванька Угадка. Интуиция мощная. Дай ему подходящие условия – миллионером бы за один сезон стать. Да кто ж даст? Вот и пошел в политическую партию, чтобы землю на Колыме таким сметливым отдать. За вольноприносительство ратовал. Чтобы как на Клондайке: что намыл, все твое, только заплати, что кому положено. Конечно, завистников породил немало, но кто до такой мелкой пакости, чтобы компьютер матерками портить, опустился? На бранных словах счастья не построишь, это самый имбецильный дебил знает.

С другой стороны… есть вопросики. Из-за кордона четыре тысячи фотокадров в Магадан бывший вундеркинд привез. На цифровик снимал, перегружал на флэш-память, где-то хватанул вирус – как пить дать об асфальт. Это еще одна фантастическая версия. Жаль, нет еще в нашем городе компьютерных Шерлоков Холмсов, чтобы точно сказать, откуда солнечный ветер дует. Может, есть. Только свою деятельность не афишируют.

Кстати, для частичной полноты картины приметим, Ванька Угадка недавно сделал любопытную оговорку по Фрейду на публике, все потом рассказывали вместо анекдота о чукчах. Пригласил одну милую, привлекательную женщину в душ, хотя на самом деле в лифт любезно пропустил. Стоял в лифте в офисе компании и придержал для нее дверь. Так ведь она подыграла: как скажете, мол. В душ, так в душ. Мне погорячее, мол. У нее на лифты клаустрофобия, а нет, преодолела себя ради такого молодца курчавобородого.

Агар-агар. Знаешь? Из водорослей его получают, наш, морской продукт. Для производства мармелада необходимый компонент. Вот бы нам заняться – озолотели бы на берегу Охотского моря. А кому-то мармелад на дух не нужен. Агар-агарофобия называется. Иначе говоря, боязнь закрытых пространств, наполненных морской капустой. И ее ест морской козел.

Поэтому пока, как с козла молока, имеем с моря мармелада. Ну, это к слову пришлось.

Наверное, кто-то рядом с Иваном стоял, злобный гений, приревновал. Дай, думает, вирус запущу. Магадан вроде небольшой город, все живут дружно, но остаются отдельные пакостники, готовые в собственный «экспресс-кофе ирландские сливки» плюнуть, чтобы близкому досадить.

Спецсвязисты после вирусной атаки провели поголовное сканирование и, в конце концов, причина всплыла: где-то, на крайнем западе страны случился любовный кон-

фликт: молодая юзерша схакнулась от одного хакера к другому. Отвергнутый возлюбленный решил отмстить, стал перебирать варианты, как это сделать. Застрелить неверную из лазерного ружья? Виртуальным стилетом заколоть? Протаранить звездолетом? Можно порезать на виртуальные порционные куски из филейной части, как это делают каннибалы в американских ужастиках. Ну, до этого не стоит опускаться, – прокатилась эмоциональная противоволна.

Проявил гуманность и туманность, запустил ей вирус в электронном письме. Колебался, между прочим. Если бы она хоть глазом повела, заблагосклонила, отменил бы акцию. Но ей хоть бы хны. И он сделал пакость, о которой не раз потом жалел. Думал, что в одном компьютере затеянное погаснет, посмеются вдвоем, и опять настанет мир. Будут бурбон пить, сникерсами закусывать.

А оно вон как выплеснулось – почти на всю Россию прогремело, карательные органы заинтересовались, вычислили хакера, стали студента обнулять. Пригрозили лишить стипендии и оставить без права переписки по интернету. А Петрович негласно высказал намерение надрать хулигану задницу, вплоть до сотрясения мозга.

Компы у Гавриловны и подруги пострадали, даже не подключенные к интернету, а мой Тошиба, тот, что дома, за кровные деньги куплен, – подключен, есть реальная опасность заражения: из сети, вполне возможно, тоже какая-то хрень прилетела, когда мир на квадратики распался. Прямо в мозг зараза проползла. Возможно, в те самые секунды, которые часами кажутся, была вирусная атака, а защита хорошо сработала, на уровне самопожертвования. Касперский грудью закрыл. С другими антивирусами мой браузер в аналогичной ситуации был пробит. С вынимающими душу последствиями.

Внутренний голос изменившимся от волнения тембром промычал, глотая окончания: «Кому-то не нравится то, что у меня на винчестере записано. Вдруг, я что-то не то сочиняю? Может, закачал не рекомендованные тексты? Свобода печати? Есть ли она? Вроде бы. Но как – сегодня есть, а завтра – знак вопроса. Как сказал один поэт из местных: нафиг мне свобода слова, если мои песни без слов?»

А мои файлы, хоть не песни, но со словами, и не все они для публичного повторения!

Может, ошибаюсь, но такое поселилось на коже крапивное жжение после атаки! Если она была. Много погибло текстовых файлов, я их из интернета скачивал для чтения. Книжки электронные. Те, которые не читал раньше как запрещенные. Откровенно говоря, мура страшная, но кое-что встречается, и то, как просроченный шоколад. Думал, не велика потеря, снова закачаю, а не закачиваются! Кто-то реагирует на ключевые слова, перекрывает виртуальный кислород. Кончилась свобода чтения.

Пусть. Я устал от слов. Все чаще хочется стать глухонемым. В юности на нашем заводе был такой шумный цех – кузнечно-прессовый, там барабанные перепонки лопались. А им хоть бы что, работали – глухонемые ребята и девчата. Глядел на них с мистическим ужасом, и все боялся, что прочтут волнение на моем лице. Полвека назад это было, а ничего не изменилось.

Не знаю, может, это бред, но ведь могли через компьютер нанести вред и моему здоровью и тем, с кем переписывался, только что письмо ушло в Питер, приятелю Стасу?! Так? У кого спросить? У пурги? У интернета? Кстати, даже посылая маленькую реплику на какой-то сайт, теперь надо набирать цифровой код, чтобы доказать, что ты – живой, не машина. Так, глядишь, заставят снимать обувь, прежде чем сесть за клавиатуру. Ну, как в аэропорту перед полетом.

Удобней думать, что причина компьютерных сбоев – протуберанцы солнца. С него взятки гладки.

Только об этом подумал, голова как-то своеобразно заныла. Будто ее слон отдавил. Возможно, неудачная пришла мысль. Кто-то нами руководит. Не иначе, желудочки мозга подпалены некачественной мыслепищей.

Вообще вам приходилось пробовать котлету из мозгов кабана? Впервые в жизни отведал такую, когда попал на студенческий банкет, там и коньяк впервые пил, придирчиво принюхивался, пахнет ли он клопами. Пришел домой, поискал клопа в диване, нюхнул для сравнения.

Кстати, о кабанах. Сам-то никак в эту когорту не попадал. Стройный был, на перекладине подтягивался 15 раз. На лестничной площадке пятого этажа железная стремянка на чердак. Там удобно отжиматься.

В тот год моя мать столь интенсивно травила кровососов новейшим ядом, хлорофосом, что и диван наш необъятный, и кровать, и ковер пропитались сладковатым ядовитым ароматом тараканьей смерти в семь или восемь слоев. Сами-то как выжили – ума не приложу. Коньяк обладал оригинальным запахом, но вот имел ли он отношение к клопам?

В Магадане у нас когда-то водились обильно кровососы, но лет 20 их нет. Со времен конца перестройки. Когда понавезли кооперативщики нового яда «Коба» – намек на Сталина, что ли? Уж не пора ли клопа заносить в Красную книгу?

Кстати, именно в книгах и водились клопы. В старых фолиантах. В заводской библиотеке брал сочинения Белинского, в ней клоп. Нападали на людей ночами, как бы из-за угла, особенно на тех, кто засыпал с учебником, студентов-заочников. Не раз, получив какой-нибудь раритет в заводской библиотеке, я находил меж страниц то засушенный цветок жасмина, то похожего на плоскую остроту клопика.

Бледной тенью вываливается плоское существо толщиной с папиросную бумагу. Ого!

– А точно, живой?

– Не веришь?

Моя юная любовь подставляет пальчик, закусив губку, от предощущения боли. Клоп куражится, изображает из себя царевну. И вдруг: цап!

– Ой!

– Люблю я тебя, Наташка!

– Но я не разрешала тебе кусаться! Да еще клопом.

Что ж, по порядку. Вкус свиных мозгов со студенческого бала хранился у меня в естественном банке памяти долгие годы, пока его не вытеснили другие парфюмы. Олений язык и чавычевый балык, крабовые барабанные палочки и «Арктическая» котлета из кальмаров – целая гастрономическая эпоха Магадана.

Нельзя не заметить, что при долгой работе на компе иной раз ощущается вкус мозга во рту и гортани. Так было и в ту ночь, когда мой пищеварительный аппарат сыграл под звон санфаянса «Прощание славянки с нечищеной картошкой».

Напишите песню о зимнем дожде в Магадане, поэты.

ВЕЧНЫЙ ВОПРОС. НАДПИСЬ ПОПЕРЕК СМЫСЛА. Алкоголь держится в мозге 20 дней. А я уже лет десять не имею с Бахусом дел. Возьми хоть пиво: «Тревор» – это вам не «Туборг». Реклама. Смешно. Один черт.

А сколько пребывает, не выветриваясь, в мыслительном органе кофеин из пачки молотого кофе «Жокей»? Выпил, и трое суток сна ни в одном глазу. Сердце скачет галопом. Работает, крутится ассоциативная составляющая. Расцветает фиалками.

«Жокей» – напиток, что надо, теперь бы еще в компанию лошадку подходящую, да ставку в тотализаторе. Конь – он же половина названия благородного напитка коньяка. Так что, – смекаю, – недаром кофе «Жокеем» назвали – а чтобы коньяка вдруг захотелось –

рекламная наживка, стало быть. В пору длительного воздержания весьма кстати был бы клоповый аромат, похожий на коньячный.

Темная лошадка, безрогая+ коровка. А какая кенгуру – поиграть с ней в буру! Гора не сходится с горой, мы веселимся с кенгурой.

Я плыл по теченью

Как ни потерять лица, если факты налицо?

Друг семьи внезапно умер, едва ему перевалило за сорок. Все это знают, все сокрушаются, но никто, в силу ограниченного кругозора, не связал уход рубахи-парня с любимцем-компьютером. 486-й у покойника был – какое счастье по тем временам, когда другие от 386-го все еще тащатся, а я 286-й осваиваю, то в нервах, то в нирване. Потом его в дом инвалидов отдали, и он еще послужил немало.

Гордился собой Геральд, очень был доволен жизнью. Из Москвы «игрушку» привез. За большие деньги. На радостях восемь килограммов привезенных мандаринов нервически съел, не заметил. Дочки обиделись, но не показали вида. Года два не мог опомниться от счастья. Но час пришел – упал ничком на клавиатуру, и дух вон. Кровь из горла фонтаном ударила, залила монитор, такая теперь традиция – изображать смерть чиновника на боевом посту. Чиновника среднего ранга. Начальство-то еще не привыкше за компом сидеть. Но оснащено. Раньше шкафы были заставлены качественными книгами, ни разу не раскрытыми при жизни. Теперь другой антураж.

Впрочем, сказанное – не более чем легенда. Но не менее. Нельзя, как в газетном репортаже, голимую правду-матку резать, это пострашнее жесткого рентгеновского излучения.

Вообще-то Гера был евреем, и втемяшилось ему еврейскую пасху отмечать с родителями. Никогда обряды иудейские не соблюдал, ел сало и субботу не чтил. Но, с кем ни бывает, как поется в одной народной песне, «не зудись плечо, не сверби спина» – широко приложился к аква вите. Принял на грудь. А вообще-то по жизни, считай, не пил, поскольку за рулем с утра до вечера. То по работе, то семью обихаживал. Две дочери у него. Жена – бизнес-вумен. Не особо-то хотелось ему со спиртным дружить. Чтобы выпить, приходилось предварительно машину в гараж ставить. Правда, можно и в гараже поляну накрыть. Ну, да что я учу ученого?

Всегда начеку, а тут расслабился Гера, под рыбу хватанул. Щуку семиметровую ему привезли с озер, обрядили соответственно, нафаршировали. Ну, не долларами, конечно. Яичными желтками. Красавица! Гера отщучивался, под острым соусом смаковал. Пил водочку кремлевскую за себя и за нее. И все бы великолепно, да сердце остановилось, как назло, в самый неподходящий момент. Водка будто бы проступила сквозь кожу, как бывает, кровь сочится сквозь бинты. Если снимать в кино, то трудность роли нашего героя – держать во рту окрашенный красным глицерин и живописно вытолкнуть его языком в нужный момент.

Да кому нужны такие подробности? Неправильно это, когда мужчина задолго до пенсии отдает швартовы. Это не повод для шуток. Умер в 7—40 утра, и это дало повод позлословить над созвучием с известной песней, распеваемой по всему миру. Врагов у Геры вообще-то не водилось, поскольку обласканы были гостеприимством все его кунаки – дальше некуда, а злорадство – кто ж от него удержится? Не гляди, что мертвый. Завидовать мертвым – не редкость в современном мире.

Хоронили на новом кладбище, за постом ГАИ, на поминки полгорода собралось. Пели, пили, опять пели «Семь сорок» и «Хава нагила».

Скоро тот погост закрывают: 20 тысяч человек поглотил, как раз за годы с ельциновского захвата, рядом новый полигон готовят.

А вот куда девался Герин девайс, 486-й комп – теперь уже вряд ли кто скажет. Уж не положили ли в гроб, повинуясь новоязыческому зову? Но я собственными глазами видел: не положили.

И вот однажды случилось так, что у меня в доме появился 486-й, переделанный под пентиум. Пока сам я находился в отъезде. Откуда? Добиться что-то внятного от домашних я не мог. Спустя некоторое время пришелец как сквозь землю провалился, один монитор остался, я уже рассказывал о привязанности к нему кота. У супружницы, тоже бизнес-вумен, бесполезно спрашивать. Молчит, как партизанка. Вспоминаю былое, а о сегодняшнем заикаться боюсь. Слово «сглазить» не устарело. У нас сглазить может даже полностью ослепший инвалид. Не говоря о таких, как Ванга.

Подозревать – это же зрением действовать, глазами. Сглазить – само собой. А ушами как? Шевелить! Нос в каждую дырку совать. Сморкаться и плевать! Носом шмыгать невыносимо.

Если выяснится, что мой ноут во время последнего циклона накрылся, тяжко мне придется. Или погиб, или блок сгорел. Что-то мастер скажет, который ему ревизию наводит, Александр Евгеньевич звать. Мне, если погиб винчестер, рукописи не восстановить из-за угасания памяти. Которая не на винчестере, а на извилинах. Но помню пословицу не умирать раньше смерти. Только жаль – сколько работы коту под хвост. При полном отсутствии кота.

Мурлыка Макс так предсказывал катаклизмы: перед пургой и дождем прятался под плед. Захватит когтями передних лап плед, рванет на себя, на долю секунды полотнище взвивается вверх, подобно параплану, и он успевает нырнуть в убежище. А землетрясение он перенес, показывая личным примером образец невозмутимости! Если же был включен Пентиум, кот на системном блоке медитировал: там больше нравилось, чем на батарее отопления и стиралке «Вятка». Блок греется, коту этого хватает. только как же быть с излучениями, если хочешь получить здоровое котопотомство. А он неуемный, на собственную внучку покусился, не говоря о кошке милицейского офицера Багирке. С компа ему вся комната была видна. Окликни его, встрепенется, повертит головой и начнет себе интимное место вылизывать. Как гоаорится, впередсмотрящий в зад.

Чем же здоровье надорвал весельчак Гера? С лучевой болезнью компьютерного происхождения не все однозначно. Собкору центрального агентства Краснобайченко на квартире начальство установило комп вместо привычного телетайпа, одному из первых в городе, мужик вроде и хвастается, но между реплик мандраж просачивается, будто бы боится на нем работать: мол, плохо влияет на потомство. Какое такое потомство, если тебе без пяти минут 70?

Вот и кот свой кошачий век, считай, сполна прожил, и все его тянуло на подвиги. Однажды поймал я ему мышь, ее он стал вылизывать, и комнату наполнило характерное страстное мяуканье: весной ему, видите ли, повеяло. Ладно, внучку свою чуть не оприходовал, но мышь? В голове не укладывается. Неформал какой-то.

Застал котяра и новенький ноутбук, но там ему места не нашлось прилечь. На клавиатуру примащивался, но скоро убедился: нельзя. На плечи мне садиться пробовал, подглядывал, что там, на мониторе деется, не пора ли спасать ситуацию.

Кто бы мне растолковал, почему в последние два года японоотец греется не по делу и поминутно включает охлаждение! Разжарило его, видите ли! Засорился, небось? Вот бы радовался котик, если бы я ему дал на горячем ноутбуке каким-то образом понежиться!

Теперь самому приходится осуществлять общий обзор. С высоты птичьего полета. Вот говорят: зри в корень. Ну и что? Где тот корень? Ну, уходит корень саксаула на 50 метров. И это все? А глубоководные скважины уже на 10 километров заглубились. На Кольском полуострове.

В районе Японских островов, год за годом, месяц за месяцем, зарождаются один за другим циклоны, идут охладить буйные головы на север, к Охотскому и Берингову морям. Тошибленый японокомп, как раненый японский журавлик, неспособный расправить кры-

лья, отзывается на движение воздушных масс всей своей утробой. Хотя самураю западло показывать свои чувства принародно.

Возможно, когда-то будет создан ноутбук в северном исполнении: в меховом корпусе. Тем более что в зимнее время циклоны зарождаются и над Охотским морем, а со своими вроде как легче договориться.

У нас, на Колыме, своя Япония. Япон – это южный входной мыс Ямской губы. Предполагается, что название восходит к коряко-чукотскому «ёпын» – место наблюдения. Ничего общего со страной Восходящего солнца. Это потом, в другом веке, узнали аборигены от русских, что есть такая страна Ниппон.

А самураям, небось, приблазнилось, что их мореходы добрались до столь высоких широт. В районе устья реки Туманы есть местечко Иопыны.

Перед войной с Японией в Магадане создавались береговые укрепления и переоборудовали морские суда на военный лад, а после Второй мировой в Магадане, в Палатке и где-то на Арманском (отнюдь не армянском) берегу отбывали срок японские военнопленные. Добывали уголь, на стройках работали. Через десятилетия старое забылось, и они приезжали с дружескими чувствами; чтобы соблюсти обычай, перезахоранивали останки умерших в плену, увозили прах на родную землю.

Как-то в сентябре, в годовщину капитуляции Японии, в 2010 году знакомые мужики устроили небольшой пробег на «Тойотах» с гиканьем и свистом – ничего личного. И лишнего.

Без ци мне не жи

Где дождь и ветер, мне вставляют катетер, им очень любит играть кот.

Люди с измененным сознанием, так называемые шизофреники недавно получили возможность выходить в интернет. Они пишут стихи, рисуют, лепят и высекают по мрамору. Погружение в мир искусства – один из видов лечения. Весь мир помягчел и стал им более понятным.

Цитирую подпись под рисунком: «Магия компьютера – мечта дьявола. У молодежи происходит разрушение целостной картины мира. Разорванность восприятия окружающей действительности, ощущение жизни как компьютерной игры, в которой все можно многократно начать заново. И молодые люди постепенно становятся биороботами».

Одна моя давняя знакомая Маруся, я еще про нее сочинил, что дождик «марусит», шлет электронное письма по теме. «Вообще у меня, – пишет она, как у многих шизофреников, есть своя сверхидея: я считаю, что живущие появляются вечно в мире, являются бессмертными, все понимающими „богами“ и с точки зрения земли всемогущими, а на земле мы проживаем роль – это своего рода игра и жизнь, которой бы могли жить воплощающиеся, если бы жизнь не была вечной, после смерти мы отбрасываем тело, личность и снова становимся счастливыми бессмертными. Мы можем играть в землю и другие миры или не играть вообще никогда, но вмешаться в ход земных событий бессмертный не имеет права – люди сами разбираются меж собою)?».

Все понятно? Не очень. Да, неважно. Цитирую дальше: «В нашей семье в порядке вещей считалась способность разговаривать мыслями и образами на расстоянии, а еще „смотреть через другого человека“ – словно ты в его теле, только, конечно, мысли недоступны, но тогда и обратной связи нет, человек не чувствует тебя, если ты мысленно сам ему о себе не скажешь. Такая же связь сохранялась у меня с близкими друзьями, но когда я заболела – способности отрезало. Я так полагалась на эту способность, что даже не оставляла адреса, когда переехала и не брала адресов друзей, теперь они начали находить меня через Интернет. Зачем, если можно было настроиться на человека и „поговорить“ даже без телефона».

Поразительно! Ведь я думал о том же. Идеи витают в воздухе! Я бы даже сказал, в безвоздушном пространстве! Маруся дала повод оживиться и восхититься ее отношением к компьютерам: немало есть унисонного, наяву и во снах даже. И порой мне блазнится, что шизофреников напрасно называют больными. Просто в их личности есть нечто превосходящее, я бы сказал. И компьютеры перед ними глубоко обнажают свое нутро.

МАРУСЯ: «Есть на сайте в инете парень-компьютерщик – зарабатывает на дому, благодаря компзнаниям. Перед приступом начинает говорить скабрезно на тему секса и нести чушь, как он всех любит и какие все козлы. Потом он выкидывает из дому аппаратуру, начинаются слуховые галлюцинации (голоса), а потом месяца на три его кладут в больницу. Он выходит, покупает новую технику – появляется на сайте, а через полгода все повторяется».

Вот-вот-вот! А как меня колбасило? Похоже, что похоже.

«Менее всех, как я заметила, страдают те, кто содержит животных – у них длительные ремиссии и приступы сознания не затемняют: всегда успевают обратиться в психодиспансер за помощью, не ложась в больницу. И многие животные у таких людей подолгу спят или внезапно заболевают. Может они отдают свою энергию и тем лечат людей?»

И мысли о кошках, гляди-ка, близки моим. Об этом позже.

«Посылаю вам пробник Максима Курыка – инвалид дцп 2 группа, 3 операции, летаргический сон и клиническая смерть на последней. Больше операций делать не будут – но все-таки он может ходить. Устраивается сейчас программистом, потому что хорошо разбирается в компах».

Главное, не торопиться, когда это читаешь. Иначе извилины в голове могут узлом завязаться. Гордеев узел – Гордей его разрубил. Небось, в институт имени Бурденко придется постучаться. Одно время я никак не мог отвязаться от мысли, что «Бурда моден» оттуда же.

МАРУСЯ: «Он с приятелем хочет организовать студию. Это визуальное сочинение – проба сил. Неважно, что Магадан в его восприятии почти безлюдный и нет порта и рыбаков с красной рыбой. Может, потом добавит фото из галереи в городской сети и сделают титры. У него есть необычные способности: он может мысленным ударом отбросить человека или собаку на несколько метров и способен описать, что происходило в каком-либо месте, в которое его приведут. Картинки прошлого он видит со стороны, а не как я, оказываясь „внутри“ очевидца».

Маруся не раз поражает меня мыслями в унисон моим: о компах, сбоях и о котах. А тут еще нечистая сила. Цитирую:

«Недавно меня напугали экстрасенсы: у тебя в доме давно живет какая-то хрень, ее надо прогнать. До этого папа с Джасей, моей повзрослевшей дочей, летали в Питер, оставляли на меня кота: который временами «разговаривал» в комнате, непонятно, с кем: сядет на задние лапы, передние кладет на кресло и, упершись взглядом в стену, как будто там находится человек-невидимка, громко просится на руки.

Незадолго до этого просыпаюсь как-то посреди ночи и вижу на кресле котяру красного цвета, словно надувного, с недовольной мордой. Минуты две щипала себя, терла глаза кулаками, а видение не пропадало. Может, *оно*? Сплю теперь со светом. А вообще через неделю мне привезут крысенка, он меня защитит от непонятного. Беру у дальних знакомых банального, бело-черной раскраски. Уже купила клетку, чтобы уберечь от ненужных контактов, а то какая-то мышь уже нарисовалась на просторах комнаты.

Когда в доме живое существо, не так сходишь с ума. Я бы и кота завела, но не прокормлю. А кот, сказали экстрасенсы, не дает *этим* пакостить, если и не прогонит, то нейтрализует *посторонних*. Лишь нападающий колдун может убить кота, а всякое *непознанное* не имеет такой силы».

Тут же, впритык, другое письмо на мыло:

«Наконец-то мне привезли четвероногого постояльца, он не такой умный, как прежний. Может быть оттого, что ранешнего взяла во цвете лет, да и жил он без клетки, на воле. И еще одно обстоятельство. Тот зверек – мышь. Не крыса. И, незадача, – приманил сородичей со всего подвала. Такой зоопарк нам не нужен. Надеюсь, от крысы будет больше толку. Пусть, не такой умный зверек, зато никого не приманит из подвала. И где они только щели находят, как проникают? Между прочим, стоило коту пожить в доме, мыши повывелись.

Назвала питомца Алькой. Часа по четыре в день разъезжает он на мне верхом или бегает по компьютеру. Крыса по латыни *рац*. Рациональное существо. Чтобы крыса была ручной и выучила слова, крысологи советуют уделять животному по шесть часов в день. Да я бы и больше уделяла, если бы что-то перенимал от людей.

Когда он бесится, переворачивает все в клетке, ставлю ему внутрь мясное пюре из детского питания или варю несоленое мясо. Наедается до отвала и заваливается спать. Прежний был рубаха-парень, а этот скрытный и капризный, к тому же, не красавец. Зовешь – не дозовешься, приходит на руки только тогда, когда сам пожелает. Часто ест и помногу спит, ему нет и двух месяцев.

Только порадовалась новичку, схлопотал перелом бедра, весь тазобедренный сустав разворотил. В поликлинике «Пес и кот» сказали, что заживет, как на кошке, но может и охрометь на всю жизнь. Да что там жизни – щепотка. Даже кошка рядом с крысой – долгожитель.

Да, угораздило его повредиться! Небось, упал с высоты, когда бегал, а я уснула, недоглядела. Могла и заспать, как бывает, ребенка мать придавит, спящего. Переживаю и винюсь. Выкупила ему лекарство – буду выхаживать. В понедельник повезу на рентген. Запереть в клетке не получается: лазает по прутьям, лапа омертвевшая за все цепляется. Приходится выпускать на прогулку. Но и на трех ногах носится, как угорелый. Такие фортеля не выкидывал и при здоровых лапках! Словно доказывает мне, что он не инвалид. Жаль его – он веселый и ласковый. Ручной. Чем-то похож на нашего кота. Мал зверек, а с ним спокойнее на душе, – не прислушиваешься к каждому шороху.

Крысеныш как-то быстро вырос, и клетка ему стала мала: утром он по уши в моче. Пробовала класть в угол туалетную бумагу, но ворочается во сне и вылазит поесть, поэтому спальное место плавно превращается в туалетное. Еще бы ел в клетке, а то тащит, что ни попадя, мне в кровать и хрумтит под одеялом. Когда чешешь ему шею, за ушками или пузико, замирает, походя на кота, разве что не мурлыкает. Пытается облизывать и покусывать руки, словно котенок. Когти у него жуткие – как у орла, прокалывает кожу даже сквозь одежду.

Что надо женщине для счастья? Новый чайник с китайского рынка, полотенчики и мелочи для сетевых друзей. Сделала набег на рынок, приобрела. Алька тут же залез в чайник. Временами он смотрит телевизор из клетки: дверца открыта, но он воткнется носом в угол и зырит на экран. Из моей кровати было бы удобнее, но он так не считает.

Жил у меня как-то крохотный джунгарский хомячок, полосатый и шустрый, того можно было утихомирить, только включив худфильм «Табор уходит в небо». Тогда он прилипал к экрану, замирал, как снайпер в засаде.

Сегодня в шесть утра крыс проснулся и давай на волю рваться. Отстегнула у клетки поддон и пошла его мыть, тут из комнаты раздалось громкое «бум!» Свалился с тумбы шкафа и немедленно отправился под кровать.

– Алька! На! – кричу ему, зная, что за вкусненьким крыс уж точно вылезет. И сработало! Выполз, был изловлен и поехал на моем плече в кухню за кусочком сливочного масла. Заполучив лакомство, крысюк устремился с ним в зубах прятаться в одеяло. Ну, уж нет! Хоть и шуткой, изловила за хвост и отняла масло, а потом от хлопот подальше – посадила в столешницу. Оттуда прыгать высоковато, как лапу повредил, стал осторожничать.

Едва засела за компьютер, взгромоздился мне на руки, чтобы ему чесали и гладили шейку и ушки.

Комп засбоил, и я позвала того вундеркинда, который, хоть и тяжело болен, в компьютерах бог. Все он наладил, установил местный голосовой чат, а крыс под шумок свистнул с гарнитуры поролоновый колпачок на микрофон и тихо сгрыз его в столе.

…Компьютерный мальчик оказался еще и экстрасенсом: мол, в квартире странная, скачущая энергетика, и в детской обретается сущность среднего уровня опасности, лучше там не спать и вообще не появляться.

Декабрьские морозы придавили. Хорошо, что крыс может оставаться дома. Я простыла, лечусь домашними средствами, он сочувствует, составляет компанию: напился кофе с медом из моей кружки и тоже расчихался. Кажется, его морозит, утром меняю в клетке, бежит пулей в кровать и поспешно перебирает лапами, пока не зароется в одеяло.

Вчера так морозило, что и под душем не согрелась. Уснула в 10 вечера, хотя комп орал мультиками и не слышала, как мне звонили по мобильному. В четыре утра проснулась, радуюсь жизни! И тут кто-то затрезвонил по телефону. Ммм, алло? И трубку бросили. А меня опять начало трясти. В девять прибрала у мыша, покормила и задремала с чувством исполненного долга. Проспала до вечера. Мыша не пускаю бегать по мне и по столу, он все-таки

пробежался по клаве, то есть, клавиатуре компьютера. Два раза от моего имени ушло сообщение всем, с кем общаемся. Они получили, гадают, что означает абракадабра. Вырастила хакера!

Алька – отнюдь не чудо, черно-белый капюшончатый крыс, самый обыкновенный, отнюдь не красавец, с бородавкой на подбородке, из которой растут три жестких волоса.

Он принимается за еду, когда запираю в клетке, а так лезет под одеяло или за пазуху. Сидит, греется и чирикает, будто птица и отчаянно шкрябается, потому что уже там не помещается.

А то засел в коробке меж столом и стеной, затаился, вместо того, чтобы разминать лапы. Сегодня, совсем как любимец отца, кот, таращился, напоминая своим видом суслика, сверлил глазами то же место на стене, что и кот. Жду, на сколько у него хватит терпения. И вдруг нервно дернулся и спрятался в стол. Да что ж там такое, елки-палки, на этой стене, недоступное человеческому глазу?

Алька прогрыз мне сегодня стопу, он постоянно рвет зубами тело, стремится войти внутрь, будто я дерево или глина. Сначала зубками перебирает по поверхности подошвы или голени, потом покусывает, потом выборочно кусает до крови. Если бы не усердствовал, его внимание было бы очень приятно, а то вгрызется, как карманная бульдожка и висит на конечности, пока не оторвешь, словно пиявку.

Коты мне всегда вылизывали полголовы или голову целиком, а один попытался прокусить затылок и правую часть головы. Худо мне было тогда. Нападал, вену порвал на руке. Вот и Алька, совсем по-кошачьи пытался пройтись мне зубками по коже правой части головы, но забил рот волосами и отказался от своей затеи».

Выходя из образа

Бывший магаданец Олег прислал по интернету видеосообщение о декабрьском первом снеге в Черкассах, где он живет много лет и откуда вышел в северную литературу Альберт, хранитель Полярного круга, сдержавший свое слово не покидать Север никогда, даже после смерти. Пепел его зарыт в урне на Марчеканском кладбище, туда и проследовали с Олегом.

Алик не забываю – милый, нежной души человек, до сих пор помню его любимое «фейс об тейбл». Теперь в ходу фейсконтроль – существенная разница.

Однажды он нечаянно разбил шампанское и просил у него прощения. Симпатизировал Арафату, с которым имел явное сходство, и Каддафи. Раньше я не придавал этому значения, и лишь недавно узнал, что в народной Джамахирии даже за одну бутылку вина могли приговорить к смертной казни. Наверное, Алик этого не знал. Может, бросил бы пить ради своей симпатии.

Ездили с Олегом по городу, достопримечательности разглядывали. Когда Олег сделал попытку забраться на монумент «Маска скорби» на сопке 103, подобно бесшабашному альпинисту, на миг возникло ощущение, что это бетонное сооружение вообще-то военного назначения, для долговременной обороны против каких-то непонятных угроз. Может, против пришельцев из параллельных миров, где те находились в местах заключения, да вот обрели свободу путем побега.

Это всего лишь бетонная уродская маска размером с пятиэтажку. Почему маска? Намек на театр, что ли? В одном интервью центральной газете скульптор Эрнст Неизвестный сказал о своем комплексе Гулливера, и тут есть, о чем поразмышлять. Правда, я сам уже лет 20 размышляю, но ни к чему не пришел. Надо коллективный разум подключить и пойти на объект мозговой атакой. Хотя и мозговая осада годится. Некоторые загадки природы не один век брали измором. И они вдруг полюбовно раскрывались.

Наверное, возле «Маски» можно что-то понять, и пурга и буран, были как живые, порывы ветра посреди ночи остались для Олега белым пятном, поскольку он не дождался зимнего дождя.

Судя по интернетовскому видеописьму, немало радости принес ему украинский первый снег и скрежет подборочной лопаты 10 декабря!

Он приезжал в Магадан в сентябре, осмотрел Усть-Омчуг и Сусуман – места детства, работает теперь с всплывающими воспоминаниями.

НАДПИСЬ ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА. ЗАЯЦ ОБЕЩАЛ, ЗАЯЦ СДЕЛАЛ. Поспешал, пока белочку не словил.

Он написал очерк о колымском путешествии, а затем сценарий, получил награду на фестивале «Радонеж». Теперь бы и фильм снять. «Самородок» называется. Симпатичная работа.

Выхожу вечерком из образа, из дома устремлюсь – глотнуть вольного воздуха. В ушах звон тишины. Они заплыли серой, но часа два после пробуждения произвольно открылись миру звуков. Женщина любит ушами, адский запах серы, боне сера. Тишина на них давит, и они разверзаются. Когда в ухе стреляет – это больно. Куда нацелены те выстрелы? В какой участок мозга?

Мысли спят на лету. Местность – притихшая и обессиленная, как после липосакции. Был, да сплыл зимний магаданский дождь. Редкая забава магаданского климата. Снег истончился, под ним гололед. Можно ходить выработанной за сорок северных лет походкой похудевшей газели, цепляясь за лед силой воли, силой мысли, будто ноги ненароком стали думающими агрегатами, обрели присоски и целуют дорогу взасос.

Многое на свете остается непостижимого. Вот нижний мост зубного протеза на чем, думаете, держится? Ведь там присоски нет. На чем? Это от мастера зависит. Моего зовут Гвылко, он убежденный западенец. Мастер он – во! В Питере живет. В этом городе много мостов, и они разводные. Наверное, и зубные мосты тоже из разводных выросли.

НАДПИСЬ НА ПОЛЯХ. ЛИПОСАКЦИЯ. Для нас важнейшим является сумо! Что-то похожее говорил Ленин. Тот же ход мысли. (Муж приходит, любовник шнырь в шкаф. Но не этот любовничек. Этот – сам шкаф. А кличка у него Сундук).

«Сумо-500» – в фантазиях аршинные буквы над проспектом. На борцовском ковре специальной выделки гигантские туши начинают друг с другом сражаться, толкаться, пихаться и пыхтеть. По ведру пота с каждого борца. Проигравшего подвергают, по условиям соревнования, липосакции. От этого слова, если честно, веет липой.

Сброс веса отдаленно напоминает снегоуборку в Магадане. Что нападает за ночь, месяц скребут, увозят с улиц, сбрасывают в реку. Слежавшийся снег валится с самосвала, земля подрагивает.

Ты не борец, но один раз плотно поужинал в неурочный час, и обречен день за днем выдавливать с бедер и живота – мясо с мяса, жирок с жирка. Жилы сучить семижильные. Для шитья торбасов.

Тяжеловес Дрюкин отъелся до четырех центнеров. Провели ему липосакцию. Решил всю биомассу сжечь на жертвенном костре в честь богини плодородия. Но – никак, не стало гореть. Что-то такое ел – противопожарное.

Бросил тайный клич, собрал каннибалов, какие были в ближней и дальней округе, им отдал. Все слопали, потребовали добавки. Еле отбрехался.

Злые языки утверждают, что вроде как сам все и употребил – картошечку сготовил на собственном нутряном сале. Вроде как психическое отклонение.

У Дрюкина гормональные нарушения: сам полный, необъятный, как дирижабль, ноги – мачты, руки – оглобли. Играл на гармошке, и от гормонального расстройства та расползлась до размера рояля, а звук у нее, как у органа в Домском соборе, город Рига.

Уединяется, мурлычет. Весь покрылся зеленью, как памятник Глинке. Теперь хочет золотом покрыться. Сидит, сидит, медитирует, тужится, ждет, пока медь на золото не изойдет.

Давно ли был зимний дождь? А все еще в ушах пустота звенит. Продолжается декабрь с – белого листа! Тишина. Ее, как правило, не предсказывают в прогнозах. Беззвучие по умолчанию. Принимается такое с особой благодарностью, если накануне была обещана буря. (Гарь уже познал, что такое конец света. Ждал, ждал означенного часа, кто-то ему нашептал в школе, напрягся. Пронесло! Радость и разочарование. И восторг чистого душой ребенка).

Мимо наследства

Только что получили с сыном электронное письмо, что в Бенине разбился самолет и погиб начальник бензинового ведомства той страны, якобы наш дальний родственник.

Это сообщение передал неведомый адвокат, готовый выслать несколько миллионов долларов наследства, если перевести ему тонну баксов на почтовые и представительские расходы.

Не в первый раз получаем такую заманку, в которой нет ни капли правды, но все равно жаль придуманного человека с моей фамилией. Вспоминаю извилистую жизнь покойного отца и сводного брата, с которым так и не довелось познакомиться. Да и однофамильцев у нас немного.

Только от этого липучего послания отделались, разобрались, где кислое, а где пресное, новое послание на сервере. Как продолжение разговора: мол, вы можете выдавать себя за родственника, поскольку однофамилец. Сделайте это, и поделим на двоих сумму 24,5 млн. Потом приходила еще одна обманка, на французском языке. Я ничего не понял из написанного, но сын мне помог.

Якобы автор живет в Того, в Африке. Там погибла богатейшая семья. Жена-миллионерша, у которой автор письма служил поверенным, муж, дети, осталась астрономическая сумма, которую тамошний банк хочет оттяпать себе. С 2007-го года идут поиски наследников, и они пока ни к чему не привели. Не думаю, что вы – родственник, – пишет. Пусть однофамилец. Я бы мог что-то сделать для вас. Надо попробовать. Условия мы могли бы обговорить в последующей переписке.

Послание вызвало у нас приступ безудержного веселья. В тексте письма не было цифры, она в теме письма забита – 8,5 миллионов. С ума спятить. Стало быть, не перевелись еще на свете ловцы несметных сокровищ. Но грустно, что только такие случаи и могут хоть как-то развеселить. Не удержался, чтобы ни воскликнуть: у них, в Того, немного того.

Тут и Ченг Чанг прорезался, из Кореи: мол, не могли бы вы поучаствовать со мной в коммерческом проекте на 19, 7 млн. долларов. Если заинтересовались, сообщите, а детали обговорим в дальнейшей переписке.

Запись августа 2011 года. Поразительно, сколько желающих пересчитать мои несуществующие денежки. Жадно прибрать к потным ладоням. Вот сообщение о моей победе в конкурсе на гринкарту. Которая дает основание жить и работать в Америке. Надо лишь отправить 5 тыс. баксов, но не в США, а почему-то в Англию.

Или сообщение на электронную почту в стиле абстрактных анекдотов: мол, 4500 баксов вам отправлены по Вестерн юнион. Только помогите нам узнать, кто вы и каков ваш адрес. Хансенбанк готов выслать 19500 млн. долларов. Можем ли мы замутить перевод на такую сумму, срочно сообщите.

Щас, только шнурки поглажу.

Киборг? Кабарга!

Он все запрыщает – прыщами брызжет

Я отнес тошибздика в ремонт. Вслед за хозяином ноутбук повредился в пору зимнего дождя электронно-цифровой башкой. Не загружается операционка. Что делать? Под угрозой важные файлы. Намазать бы его какой-то цифровой мазью, укутать цифровым платком, напоить чаем с цифровым малиновым вареньем!

Все не покидает ощущение, что компьютер защитил меня, прикрыв собой. И сердце ноет, будто ребенка отдал в больничный стационар.

А крепко меня шибануло ветерком: медленно сочится влага по гортани, вот так же на море бывает в сильный ветер – поднимет порывом и бросит в лицо водяную пыль – захлебнешься и ослепнешь на миг. «А причем тут МИГ? – возражает внутренний полемист. – Может, другая марка у пролетевшего в непосредственной близи аппарата? – Су – Сухой? Сухой!» Рислинг, что ли?

Удар циклона по компу – как удар по кумполу собственного черепа изнутри. Компьютерный инсульт. Было, что один магаданец лишился кота, а через день сам свалился с мозговым ударом, и тогда все его многочисленные друзья остолбенели от такого совпадения. Рыжий, кот-огонь, и мужик тоже рыжий, наполовину лысый. И котик стал неудержимо лысеть.

И опять в Магадане наступает нечто, похожее на оттепель, и во дворе хрущевки, где женская консультация и магазин «Олень», рогатая пурга крутит во дворике. Снег, словно туча мошкары, перехватывает дыхание. Будто ты пропустил боксерский удар в сцепление. Ну, в сплетение.

Народная примета: если на улице потепление, то дома – похолодание. У меня уже три одеяла. Что же, четвертое доставать? Кота, жаль, нет, он всегда согревал.

Морской рыбацкий менеджер вещает по телевизору, что нынешняя зима отстает от обычного графика на месяц. Хорошо хоть, снега нападало, а то было раз, до самого Рождества земля оставалась черной. Зато не скользко.

НАДПИСЬ НА ПОЛЯХ. Возвращение Тошибздика. Ура, мне вернули из мастерской ноутбук! Когда мастер возрождал его к жизни, на мониторе возникла надпись: «Верните меня в Yokosuka». В первую секунду подумалось, что ругается, а ведь это известный город, наподобие нашего будущего Сколкова.

Несколько дней, пока велся ремонт, я сохранял напряженное молчание, боялся сглазить. Кажется, обошлось. Обновленный аппарат пахнет техническим лекарством, посвежел и не узнает свои флешки. Как заново народился. Все мои файлы целы! Обошлось!

Помнится, в 08-м году я умолял другой компьютер, Асер, что в конторе, проявить толерантность, подружиться с вирусами. Загрипповал тот писюк, из нутра душераздирающий скрежет, Поставили тогда соответствующую программу, и выявилось 1119 вирусов.

«Циклоническая деятельность Тихого океана так достала, что отправил статью в газету, – поделился знакомый синоптик из прибрежного поселка Ола. – За время наблюдения, с 46-года, счет таких оттепелей идет на второй десяток. В декабре 55-го было почти +5 градусов. А нынче в Армани более семи тепла. И вообще надо понять: имеем дело не со случайностью. Палатка, Атка, Стрелка, Талая, даже до Омсукчана оттепель добивает, это на автобусе почти сутки пути. Пора, наконец-то начать строить мост через Яну. Как эта катавасия началось, поселки оказались отрезанными от снабжения».

Каждый день рождаются новые словечки. А ответы на них звучат по-старому. Получается смешно. Иного, с неуемными фантазиями, спросишь: гонишь, небось?

Нет, – отвечает, я антогонист. ДОБАВАЛЕНИЕ 2011-ГО ГОДА. Лет 20 писал в стол. Потом накатило: немедленно поменять письменный стол. И пока мы переставляли старый и новый, упало со стола компьютерное устройство – внешний диск, и все там у него сломалось, сотни тысяч файлов не раскрываются, и такая настала тоска, что никак из нее не выбраться. Погибли безвозвратно, и это невыносимо сознавать. Пошел новый покупать, а цены взлетели в три раза. Может, какие-то новые диски, с улучшенными характеристиками?

– Нет, никакого улучшения нет, – сказал продавец в магазине, расположенном в нашем доме. – Стихия виновата. Смыло участок берега на Филиппинах, где стояли заводы, где эти винчестеры производили. Вот не свезло-то!

А мой комп, кажется мне, подавал какие-то сигналы, барахлил и глючил. Я прислушивался, но не услышал. От чего-то он меня уберег, бросившись под колеса быстробегущего времени. Пусть жизнь не задалась, так хоть конец ее будет достойным! Хеппи энд.

Капель-купель

Не мог он хепенинг от перформанса, как мы ни бились, отличить

В марте стал преображаться барак Водоканала в нашем дворе. Из нашей кухни видно, как стены облагородили пластмассовыми листами общеиндустриального цвета. Если медицинским путем в результате медосмотра определено, что все твое нутро – печень, сердце, легкие изношены почти на сто процентов, а замена не предвидится, просто надень гламурный костюм, и ты в шоколаде. Так поступают теперь со старыми зданиями, покрывая поверх гнили веселеньким пластиком.

Но прежде крышу покрыли красной металлочерепицей. Сверху струится легкий звон, с претензией на музыкальность. Пошел дождь, и звук дождя стал иной, чем до перекрытия. И еще, – подумалось мне, – новое крышевание замедляет теплоотдачу. Не будет в мороз плакать крыша, не будет капель причудливо падать и смерзаться ледяными кружевами.

Примерно так же, как эстрадные звезды не мыслят жизни без фанеры, так и бараки все чаще облицовывают теперь фанерообразными материалами, еще более искусственными, если не сказать противоестественными. Все больше пластика и во внутренний интерьерах – больше стало в офисах, даже в библиотеке, цветов и полудеревьев, магазинов, где торгуют одеждой, в Магадане заметно больше, за счет уменьшения гастрономов, так там несчетно развелось манекенов, с одной пластмассовой женщиной я фотогравировался, и жена меня приревновала.

В середине апреля 11-го года захожу в областную библиотеку, на лестнице, ведущей на третий этаж, в отдел искусств, торможу, как громом пораженный от развернувшегося *хепенинга* под названием «Весна».

Падает с потолка огромными неспешными музыкальными каплями талая вода, на пол поставлены для нее ведра. И они уже наполнились доверху. Звук специфический. Будь я композитором, обязательно вписал их в звукоряд. Да что ведра – в ход пошли огромные пластиковые бутыли, в которых теперь принято продавать питьевую воду с экзотическими этикетками и ставить в офисах – как последний крик моды.

Знаю, можно с огромной пользой использовать перезимовавшую воду. Не обязательно ее пить. Была во времена молодости моей мамы манера устраивать стирку в дождевой или талой воде. А в сибирском городе Черепаново, с его жесточайшей колодезной водой планомерно создавались запасы снега, и каждый дождь с восторгом встречался женским населением: отмывали волосы с настоем ромашки, преображались до неузнаваемости. Помню сквозь 50 с лишним пробежавших лет русую головку синеглазки-Нади, с толстенной косой, закрывавшей полнеба. Огромные глаза помню, не чета тем крохотным мышиным глазкам, которые показывают нам американцы в своих снятых в погоне за зеленью и Оскарами лентах. Вот где перформанс. Или хепенинг?

ЗАПИСЬ НА ПОЛЯХ, СЕНТЯБРЬ 2011-ГО ГОДА. Если крыша протекла, и на голову, в читальном зале неожиданно летит капля дождя, думаешь о кровельщиках. А далее по созвучию – о кришнаитах.

Харе Кришна – в центре города, под стойкой с огромным уличным телевизором. Сидя на земле, били в барабанчики. (Вот где перформанс с хепенингом!). И снова книжки предлагали. Агрессивные ребята. Может, они йоги нового поколения – на жидких гвоздях спят? А гвозди на жидких кристаллах. Сегодня-то их нет. Под экраном – декоративная палаточка коммунистов. Читай их газету, морально готовься к выборам.

При коммунистах крыша не текла в библиотеке. И читателей намного больше толклось. Книг в те годы понапечатали – миллиарды экземпляров. Теперь не знают, что с ними

делать. Дарят читателям. Когда-то книги кончатся. И станем мы дикой безграмотной страной.

> **Перфо́рманс** (также употребительное название – **перфо́манс**, [битая ссылка] англ. performance – представление, выступление) – формасовременного искусства, в которой произведение составляют действия художника или группы в определённом месте и в определённое время. К перформансу можно отнести любую ситуацию, включающую четыре базовых элемента: время, место, тело художника и отношение художника и зрителя. В этом – отличие перформанса от таких форм изобразительного искусства, как [битая ссылка] картина или скульптура, где произведение конституируется выставленным объектом. **Хепенинг** (или *хепенинг*, [битая ссылка] англ. happening) – формасовременного искусства, представляющая собой действия, события или ситуации, происходящие при участии художника, но не контролируемые им полностью. Хепенинг обычно включает в себя импровизацию и не имеет, в отличие от перформанса, четкого сценария. Одна из задач хепенинга – преодоление границ между художником и зрителем.
> *ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ВИКИПЕДИИ.*

Долгие годы я относился к так называемому новому искусству скептически. Ну, допустим, собираются люди на сцене, раздеваются донага и начинают расписывать друг друга красками по телу. Тому, кто не живописец, в другом жанре, пишет или поет, это ни к чему.

Это я о себе. Но вот ведь закавыка: глава повествования создается в традиции перформанса. События жизни следуют одно за другим так плотно, что ничего не надо выдумывать. И это на руку такому человеку, как я, лишенному фантазии.

> (ОБЪЯВЛЕНИЕ. Требуется натурщица. Оплата от 500 рублей.
> Это что же такое? Пришла, разделась. Любуйся. Созерцание женской груди продляет жизнь мужчины. Рисование ее еще больше продляет).

Принято обнаженную натуру живописать на холсте. Тут и традиция, и культура. Классика вообще-то. Пикассо сильно перемудрил с геометрическими бабцами. Согласись, стоит женщине разоблачиться, и она Венера. Малыша на руки возьмет – Мадонна. Пикассо русскую женщину отыскал, всю жизнь Галину рисовал. А у нас – русских, вон, сколько Галь, Матрен! Ларис.

Когда-то, школьником, не воспринимал я симфоническую музыку. Научился. Не ощущал фибрами, органами боковой линии архитектуру, а теперь за уши не оттащишь, лишь бы пройти мимо творения магаданских зодчих: дворца спорта, театра со скульптурной группой на крыше, памятника знаменитому геологу. И мимо кафедрального собора тащусь, испытывая эстетическое и на донышке его – религиозное чувство. Юрий Билибин – можно так перевести как ЛЮБИМЫЙ.

Я уже писал, что за лето человеку надо немного побыть в жаре, чтобы потом быть готовым к зиме и легко переносить холода. Отдаленно похоже на закалку клинка. Включить внутренний термостат. Теперь обратное движение, переход с зимнего режима на летний. Он тоже требует энергозатрат. Как-то вдруг понял на 39-м году жизни в Магадане: необходимо шлюзование. Сердцем отозваться на весну. Ты – как мишка-медведь, выходишь из берлоги. Медведь-шатун с кривошипным механизмом.

Плюс 20 в комнате, всего-то, а умираешь от теплового удара. Слабое ультрафиолетовое облучение сквозь оконное стекло, но и оно доканывает истощенный организм парниковым эффектом. Похоже на боксерский удар под дых. Я ведь уже пережил касание тепла в апреле.

Потом убавили отопление в нашей нежаркой квартире. Руки опять стали ледяные, наступило привычное онемение. Пусть хоть хуже некуда, лишь бы привычно. Кучи снега во дворах, они до второго этажа высотой, начали неторопливо таять. Черные такие кучи – чернее чернозема. Их уже бульдозер не берет, и одна надежда на солнечные лучики. Они пробуравят.

Он лежал чернее тучи.

Помню настороженность подросшего внука, когда он увидел козу за городом, и ему сказали, что мальца кормили козьим молоком. Как он сморщился!

Недавно вычитал, что роговицу глаза наловчились делать из рога животного. Вот почему вертится и клубится образами целых два часа моя жизнь вокруг рогов. Известные детские стишки обретают новое звучание: «привезли его в больницу, он украл там роговицу…»

Поэтому Гарь, Лера и иже с ними…

– Ежи?

– Да, малыш, у тебя в жизни будет много ежей, ты их полюбишь, еже-ей.

Но однажды надоело мне в бороде ходить: жарко, лето же. Взял и побрился, а что из себя мученика строить?

Понадобилось в связи с бытовой покупкой, деньги со счета снять. А не дают. В паспорте фотка не соответствующая действительности, с бородой. А сам бритый. Что делать-то? Хоть пририсовывай. Но это, конечно, сгоряча я так подумал. Можно наклеить бороду. Иду в театр, там у меня свой человек работает на вешалке, с которой все начинается.

Можно по спецзаказу бороду изготовить, да на эту затею никаких денег не хватит. К меценату обратился, он мне в свое время деньги на издание книги жертвовал. Тот мудро поступил: одолжил из личных сбережений. Совершил я покупку, порадовал жену. Проходит месяц, и у меня на лице во всей красе свежестью играет моя собственная, не накладная, а натуральная бородка.

Пал Пална

Отсутствие боли позволяет смириться с отсутствием бессмертия

Поскользнулся. Упал. Потерял сознание. Гипс. Цемент. Железобетон. Стеновая панель. Блин. Часто произносил это слово, вот и накликал. Гололед в Магадане чуть ли не круглый год продолжается. Мало знать места повышенной опасности, ходить уметь надо. Несколько лет назад зимой пострадала женщина. У нее отчество Пална, так произносили. И зовут Павла. Упала Павла головой на улице. Едва пришла в себя, через некоторое время в собственной квартире грохнулись тем же самым местом. То ли у нее тапочки комнатные на высоком каблуке, то ли центр тяжести слишком высоко поднялся. Мода какая-то странная. Может, и путаю. Сама незамужняя, независимая, всегда на стреме и на взводе, и первая мысль в любое время суток: ай, что обо мне подумают окружающие. Якобы весь город за ней волочился, а она не могла выбрать достойного. Присмотрит кого-то себе, якобы поклонника и начинает его прессовать, отказывать в притязаниях, а тот удивляется. Не понимает, за что отшивают его, если не пришивался, и да не клеился.

Трое суток Павла пролежала недвижно, в коме. А жила одна – ни ребят, ни котят. Друзья-сослуживцы, единомышленники прознали, в форточку пролезли, оказали помощь. Нашли лилипута, который в пожарной дивизии служит. Он и пролез, открыл дверь.

Оклемалась, но остались проблемы с ориентацией – как во времени, так и в пространстве. То она Клеопатра, то Зоя Космодемьянская, то Терешкова. Стала приходить среди ночи на работу. Вроде ничего страшного, но это как посмотреть: усугубляться стало, экстрасенсорные способности обнаружились, и под горячую руку Павла вылечила двоих или троих безнадежных психопатов. Мама у нее престарелая, душу Богу отдала: вроде как судьбу задабривала: жертвуя собой, хотела дочке дать второй шанс. Больно уж хотелось ей внука понянчить. Прям бредила.

Вода камень долбит, а тут не камень, а нежный женский мозг и ковровое покрытие на деревянном полу. В конце концов, ушла к верхним людям, как говорят чукчи.

Вспоминаю с дрожью феноменальную особу, она и мне немало хорошего сделала, и вся моя семья помнит ее добро и поражается нелепости ее смерти. Да что там удивляться: где она, умная интеллектуальная кончина? Смерть всегда нелепа и противоестественна. Правда, если разобраться, и жизнь не лучше.

Я сам как раз в это время, когда она умирала, судя по записям в дневнике, блевал в раковину корейскими пельменями, с вкраплениями таблеток равновесия, на стены швыряло меня, как жирафа. Алкогольный синдром при отсутствии алкоголя. На морскую болезнь малость похоже, если учесть, что живем у моря: если с моря дует бриз, то аромат свежести доходит до нашего дома с первоначальной удалью и солью. А я ведь перед тем выступал утром на публике, гвоздички тепличные получил в подарок! Такое оставалось неотвязное ощущение, что сглазили меня, прости, Господи! Может, кто-то взял мою фотку и глаза выколол?

Даже заочно не был знаком с поклонником погибшей. Рассказывали: сильный, непокорный был атлет. Сложный, неуживчивый характер. Спортом занимался и повредил позвоночник. Она помогла восстановиться. Сама врач, невропатолог, это ее епархия. Полностью вылечить тяжелоатлета было нельзя: слишком далеко зашло. Но она упертая, характер, считай, мужской. И он стойкий и упорный вдвойне, без штанги жизни не мыслил.

Однако слишком далеко зашла борьба с обстоятельствами. Да и канцер напал, пронзил метастазами. Боль адская, невыносимая. Чтобы заглушить страдание, облил себя бензином и сжег.

Вообще-то Пална была главным врачом поликлиники в центре, рядом с магазином «Цветы» и монументом в честь великой войны, с любовным цинизмом прозванном в народе «Мозги» – за отдаленное сходство с разбитой головой. Когда-то давно здесь произошел взрыв, унесший жизнь бедолаги фермера, в прошлом взрывника золотого прииска.

Небольшая поликлиника, где лечились начальники – большие и малые. И такие придурки, как я. Все там было образцово – и врачи, и сестры. Процедуры. В конце концов, зависть населения возобладала, у всех загорелись глаза: это же нарушение демократии, когда начальников лечат лучше остальных. Поликлинику закрыли, перевели пациентов-начальников в рыбацкую поликлинику, где лечение еще лучше, а на небольших освободившихся площадях открыли травмпункт, куда валом повалили травмированные люди с поломанными руками, ногами, пробитой головой.

Когда Павла трагически окончила свои дни, многие ее пациенты поминали незаурядную женщину с непростым характером, непростой внешностью, эксцентричную, острую на язык. И тогда своя боль слегка отпустила.

В травматическом отделении пора выделить специализированный кабинет мордобоя: немало пациентов, которые «травма» произносят как «трамвай». Так для них кабинет. Некоторые стали пациентами, как говорится, не отходя от кассы. В здании, где помещается теперь травма, есть переход в стене. Загаженный и скользкий и такой же, примерно, пол, и у стен есть не только уши, но и кулаки. Надо травмпункт именем Павлы Палны назвать.

Как рыба об лед

– У меня батарейки сели.
– И ты присядь, отдохни

Было морозно, минус 35, когда *наша* шла домой. 18 февраля. Обморозила два пальца руки. Так обморозила, что понять не могли – обморожение или ожог.

Упала возле крыльца собственного подъезда: поскользнулась на гололеде и грохнулась со всего роста. Ее два парня подняли. Подумали, пьяная, а нет, просто убилась. Звонят снизу по мобиле, чтобы открыл дверь подъезда. У нас она на замке уже несколько лет. Ведут под руки, я у них путаюсь под ногами, как бобик.

Думал, справлюсь с раной сам, перекисью промою, есть пузырек запаянный, для внука припасали. Поднялись в квартиру – нет, перекисью не обойдешься: хлещет кровища. Из-под вязаной шапки за воротник шубки течет. Бездумно, на автомате разделась и тут же принялась одеваться. Под шапкой седые волосы, остатки пышной прически, напитанные кровью. Словно кадр из американского ужастика.

Давай-ка, быстрей в травмоотделение, благо, оно через два дома, у «Цветов». Кровь сочится, не переставая. На голове у младенцев есть родничок. Ну и здесь пульсирует родничок.

Такси вызвали, умотали голову и плечи банным полотенцем. А кровища хлещет всю дорогу до больницы. Хорошо еще, что путь не далекий.

Добрались. Стали у травматолога смотреть и обрабатывать. Рана сантиметров 8 длиной, кость черепа видна. Белая такая. Причем, меридиональное направление. Как так можно грохнуться? Это место головы невозможно задеть, если падать. Ближе к шее. Может, удар ножом?

Может, напали, хотели вытребовать выкуп, да не решились. Или что-то вспугнуло. С другой стороны, похищенная могла запросто склеить ласты. На выкуп, конечно, у нас денег нет, разве что подала бы в суд на городское начальство за свое падение, да отсудила бобла! Ну, это уж потом задние мысли пришли.

Сама не помнит, как и что. Вроде как провалилась в бездну. Следов падения на льду нет, на другой день сама осматривала, когда с перевязки вел ее пешком, решилась продышаться. Осторожно шла, и казалось мне, что лед фрезой сработан: не хочешь, да потеряешь равновесие. В сквере, где памятник, прозванный в народе «Мозги», неприятное напоминание. И меня тянет всякий раз объяснять, поскольку очевидец, как здесь взорвался фермер. Еле сдерживаюсь, чтобы не открыть рот. Пусть уж сама мыслит вслух.

Такое вынесла умозаключение: был гипертонический криз, вот и свалилась пластом. С ней такое случалось не раз. Да и мне подобное отчасти знакомо: сам по стеночке ходил, за трубу цеплялся.

Все-таки начала рассуждать о колдовстве и порче, перебирать женщин старшего возраста с подходящими внешними данными для такой акции. Может, здесь колдуны вуду появились?

Насчет планетарных причин не заморачивается, не верит в критические дни и гороскопы, и мне это нравится.

С мудрой сказочницей, Зинаидой Ивановной при удобном случае решил я проконсультироваться насчет колдовства. Для нее шаманство – не пустой звук. Она, может быть, родилась под звук шаманского бубна. И вся жизнь, как бы ни была она реальна, имеет сказочную подложку, с элементами ясновидения.

Идет недавно из магазина с продуктами. Дело к весне, лужа на пути попадается. Прикидывает, как обойти препятствие.

Ничего не происходит, и вдруг ощущает: перемену положения в пространстве. Упала вперед, но успела выставить руки, прямо в лужу угодила. По локоть в грязи, и плащ впереди задет, лицо тоже. Выпрямилась, огляделась: похоже, никто не заметил внезапного падения. Не заорал, не бросился на помощь. Сумка на месте, купленные продукты тоже. Деньги не тронуты. Постояла минуту-другую, пошла своей дорогой. Понять не может, что произошло, а спросить не у кого.

И надо же, на обратном пути точно такое же падение. Та же сумка и лужа и руки по локоть в ней. Не сказать, чтобы сильно пострадала, но приятного мало.

Стала размышлять, ни к чему определенному не пришла. Кто-то наколдовал, может быть, а кто именно, сказать невозможно.

Настораживающая похожесть.

К осени падения у нашей возобновились. Упала раз, тут же второй и третий. Побилась, поломалась. Равновесие не держит. Какие-то таблетки ей давно выписывали, а как называются, забыла. Я-то помню, подсказал.

«Может быть, ее сбил с ног поток моего сознания?» – пришла на ум неестественная для меня фантастика.

Иной раз физически чувствую, как исходит в окружающее пространство ее головная боль. У моей артериальное давление 240, так и хочется сказать вольт. Только собрался поделиться этой информацией с сыном, а он мне предъявляет: папа, из-за тебя опять мой комп завис. Ты как-то резко заходишь в комнату, и вихрь паразитных токов поднимается.

Зашили женушке головную пробоину. Кстати, месяцем позже прошла информация, что на Украине изобретен способ не зашивать, а сваривать раны ультразвуком. Кожа оплавляется и прочно схватывается механическим контактом. Потом и сосудики кровеносные, где надо, прорастают. Вот бы заделывать мне, таким образом, трещины на ногах, полопавшихся от диабета, а то хожу с болью, как Русалочка из сказки. И опасаюсь, что отрежут ступни, не дай Бог.

21 февраля. В квартире +16, на улице —35, уже не первый год зима свалилась морозными максимумами на февраль и март. У снохи не заводится ее «Тойота». По-моему, дело не только в аккумуляторе и запредельном холоде. Вспомнился американский фильм о боевых учениях на Аляске. Там, напоминаю, потолок температуры определен в 30 градусов. А ниже – оптированный, как говорит внук, день. Кстати, мороз не остановил деток, идут обычные занятия в школе. Малыш сегодня участвовал в празднике песни и строя. Потом я его провожал на Кольцевую, поскольку бабуля вышла из строя. Мальчик сам справился с ключами-замками. Пребывал в роли хозяина, принимающего гостя: «Тебе какой чай, дед? Малиновый или покрепче?»

Вечером зашла мама Гарика. Полечила нашу бабулю.

У раненой осталось ощущение, что потеряла 700 миллилитров крови, потом до литра самоощущение дошло. Плюс сотрясение, конечно. Судя по тошноте, сильное. Заехали назавтра к ней медики, следующую перевязку сделать, а дело швах, сильно ослабла. Наблюдение персонала нужно. Надзор, Вовремя соломинку бросить. Коль уж не получилось соломки постелить.

Увезли в стационар, вон, сколько дней выхаживали. Считай, две недели. Пока все ее мысли склеились.

Два больших полотенца, напитанных кровью, мы не стали тогда из травмотделения брать домой. Теперь надо бы эксперимент поставить, сколько требуется крови, чтобы напитать два полотенца.

Заходил в больницу, проведать. Конечно, ужас, но не у-жа-с. Смерть висит в воздухе. Глаза закроешь, в нос пробивает запах крови и гноя.

Вот тебе и зимний дождь с оттепелью. Хорошо, что госпитализировали своевременно.

Был там один феноменальный пациент. Собственно простых в нейроотделении нет. Но этот проходит во второй тур конкурса. Пострадавшего, как пазлы, складывали. Состояние здоровья заставило его спать сидя. Но спустя какое-то время и такая поза стала неприемлемой. Одышка и тахикардия заставили медиков искать и найти: отныне будет спать стоя, как слон. Вроде нормально, но душа не лежит. Подвесили на пружинах, а потом и применили мощные магниты. Как гроб Магомета между полом и потолком завис. Пораженная таким ходом врачей смерть смущенно отступила, пожимая костяными плечами.

А как было дело? Молодой и вполне здоровый, разве что рассеянный человек на улице Пролетарской вышел на проезжую часть из-за джипа. Его не было видно водителям. Шагнул и попал под машину. Был сбит с множественными повреждениями. Привезли его к Гаричкиной маме, поскольку посчитали пьяным. Трезвые вроде уже научились переходить проезжую часть, да и светофоров усовершенствованных вон сколько. Тех. что показывают, сколько секунд осталось до зеленого. И до красного. Цирк бесплатный.

Но не всем дуракам дорожный закон писан. Будет теперь лечиться минимум полгода: череп пробит, повреждения мозга. О чем человек думал, где мыслями витал, Виталь?

И тут слух прошел: оказывается, я сам кому-то сильно насолил своим пребыванием на земле, и этот некто ждет, не дождется саданут мне по затылку молотком. Кому я насолил – такой пресный? Не сказать, чтобы я испугался, но интересно стало. Пришлось убедиться, что угроза реальная. Ну и попробовать избежать ее.

Гулял по берегу моря, осваивал новую фотокамеру, снимал кромку прибоя, накат волн. Света много днем, и не все различимо в должной мере в видоискателе, да еще зрение подводит. Недаром в прошлом фотографы накрывались вместе с камерой черным бархатом, чтобы не отсвечивало изображение на матовом стекле. Надо бы попросить жену, чтобы отдала свое бархатное платья с юных времен, оно такое миниатюрное, как раз для фотомешка сгодится.

Я снимал с нижней точки воду, не зная, будет ли она на снимке прозрачна, либо зеркальна, какой у нее цвет, как отобразится берег, в частности, рыбный порт и не освободившиеся от снега сопки. Двадцатикратное приближение объектива – с ним освоиться нужно. Чайку в полете так и не удалось поймать навскидку.

И люди ходят по берегу, хотелось взять их в кадр, но как-то так, безлично, как световые пятна. Одна юная особа в оранжевом спортивной тренике, войдя по щиколотку в воду, так раскинула руки и согнула корпус, так балансировала, чтобы не плюхнуться, что походила на снимках на заморскую птицу, а другая, в длинном розовом платье, живописно вышагивала с крохотной тупорылой собачкой у ноги – та держала дистанцию, будто была на поводке. Длинные волосы, такая редкая нынче воздушная юбка, уносящая во времена Чехова. Безупречный, идеальной формы бюст.

И вдруг какая-то некрасивая злая женщина закрыла мне ладонью объектив. Она произвела мгновенное неизгладимое впечатление именно своей некрасивостью, в Магадане это редкость – быть такой дурнушкой. Появилась, как чертик из детской страшилки, назвала меня старым козлом, будто, сама молодая и не желает терпеть мои приставания. В затрапезном наряде, только на кофточке, на груди вышивка гладью – два помидора в районе грудей. Огромные помидоры. Ташкентские, что ли? Глаза широко посаженные, обличают лживую натуру.

Я был весь в своей съемке и потерял дар речи. Мое молчание ее разозлило. А меня рассмешило ее поведение, и смех обидел ее еще больше. Видимо, она ждала каких-то слов, принятых в ее среде, а я их не знал. Если бы я знал, сработал бы на автомате. Да, я порой забываю весь словарь.

– Ну, тогда у тебя не только все твои кадры пропадут, но и программа посыплется, – сказала.

Явно перегрелась, бедняжка. Вон и цвет лица – будто взялась красить губы, да и перепачкалась вся, до кончиков ушей. Одним словом не определишь. У автомобилистов есть сложные названия цвета: «брызги шампанского» там, «давленая вишня». Типа того. Цвет портвейна №13. Цифровой, стало быть, в тему, как и моя камера.

Незнакомка произнесла свои грозные слова и перекрестила объектив. Это не на проклятье походило, а на благословение. Или она фотографию к бесовщине относит? Японцы, которые изготовили это чудо техники, молятся другим богам…

Пришел домой, снимки на комп перегнал. И оказалось, все-таки задел я ее, попала в кадр. Рассмотрел в спокойной домашней обстановке. Конечно, она была симпатичной молодой дамой, нагловатого белобрысо-рыжего типа. На лице ни одной морщинки. Сорока нет. Конечно, я старый козел, и толку ей с меня – как с козла молока.

Но она была не совсем права, торопыга: надо было дать мне законные 8,5 секунд, чтобы мне в нее влюбиться. И еще какое-то секундное время, чтобы преодолеть сухость во рту.

Не знаю, можно ли от такой женщины ждать удара молотком по кумполу, жену надо спросить, да лучше ее не трогать. Может, любимая принесла себя в жертву, чтобы завершить затянувшееся повествование? Бредовое предположение. Я за него могу схлопотать по полной.

И вот еще одно лыко в строку: питерский друг-приятель Стас сообщает: отвалялся в больнице пару недель: второй микроинсульт пережил. Тоже шажок сюжета. Может, в меня метили, а попали в него? Чертовщина какая-то.

Удар по голове тупым предметом, съем денег с недвижного тела. Где-то так все и было с женой. Недаром день пенсионный, 18-число, моя женщина направилась в магазин, в нашем же доме, а ведь никаких покупок не совершила, да и сумки у пострадавшей не оказалось. Правда, эти обстоятельства проходят мимо ее сознания. А я не настаиваю. Может, временная потеря памяти, а потом все вернется? Может, засияет с новой силой?

В самом конце апреля ударом в голову выведен из строя наш взрослый сын. Очнулся утром в больнице и ушел в полном недоумении, без ноутбука, фирменной сумки и мобильника. На голове остался небольшой след, хорошо хоть, без рассечения кожи.

Наверное, кастетом саданули, – сделал он предположение. Зато нога, задетая год назад при разбойном нападении, после удара по голове совсем не болит, – воскликнул с удивлением. (Слово «кастет» вызвало у меня прихотливую ассоциацию с кастами в Индии). Когда раньше нападали, год назад, отобрали сумку. Брезентовую сумку от ноутбука, и скоро она была найдена сожженной в подъезде, в другом районе города. Налетчики просчитались в смысле добычи. Утерянной оказалась и тетрадь с записями на английском языке. Пришлось прибегнуть к костылям, пока у сына срослась сломанная берцовая кость. Нападавшие какие-то спортсмены-извращенцы были, что ли? Или кто-то их нанял? Сыщики из полиции так и не нашли нападавших. А нет ли тут связи между этими случаями? Может, началась охота на всю семью, и тогда я один остался нетронутым, на закуску, но у меня все впереди – вполне вероятно, могу напрочь лишиться головы. Снова бегу мыслью по кругу. В тот морозный день пострадавшая была в вязаной шапочке. Сама, если память мне не изменяет, связала. (Кто, кто не изменяет? – подхватывает внутренний Станиславский. – Это вашу пассию так называют – Память?).

Надо было ей заплести в шапочку тонкую стальную проволоку…

Когда моя увлекалась рукодельем, ситуация другая была. Считай, полтора десятка лет прошло. Только нельзя представлять середину девяностых благостными и безопасными временами. Как раз на том же самом месте, под аркой, на нашу женщину уже было совершено нападение. Многое изменилось за прошедшие годы, а преступность? Преступность у нас организованная, боевая и задорная. Некоторые числят ее национальным достоянием. Помню, рассказывала: напала шпана, двое-трое. А женушка одна отбилась. Закричала так, что у малолеток перепонки полопались. Это она умеет. Шапку хотели у нее сорвать. Соболью. Красивая шапка. Как корона! Самооценку повышала. А и не требовалось особо-то повышать. В Америке только что побывала, как на крыльях летала, так нахлынуло. Это уж потом, буквально через несколько недель, стала хмуриться. Думал, перестанет, рассмешить ее пытался. А она будто разучилась смеяться. Помню, молодая еще для морщин – 45 лет. Наверное, устала. Запредельная усталость. Отоспится, и все образуется. Разгладятся кожные лучики, станет ангельское личико прежним. А не разгладились. Как говорят, обратного хода нет. Другие-то красавицы, ее коллеги, приладились шарфик повязывать, чтобы скрывать дряблую шею, темные очки, ночь-полночь, напяливали: мол, такая мода. А она – нет. Гордая. Будто сам Господь должен был устыдиться, сделать откат. Вернуть статус-кво.

Опа онанай

– Почему вымерли мамонты?
– Недостаточное финансирование, думается

Давай, выздоравливай, – говорю ей. – Стиралку купим. Она давно об этом думала. Повеселела, но виду не показала. Внутренне собралась, отыскала силы. Приобрели мы корейское чудо.

(ДОБАВЛЕНИЕ ПО ТЕМЕ. Товары европейского и азиатского стандартов качества (Реклама на Магаданском радио). Неважно, что нет таких стандартов в природе. Главное – на пипл действует. Покупают, рвут из рук, а куда они денутся? Элджи (LG) – без лжи!)

Стиралку «Белку» мой дядя Илья купил тете Тане, когда и понятия не имели о водопроводе, носили ведрами из колодца, жесткую, на вкус – глина глиной. Когда вижу теперь рекламу калгона, знаю: это о черепановской воде. Ее рели на печке, хозмыло терли на терке. Собственно механизирована была лишь одна операция: вращался активатор, и в мыльной струе вертелось белье. Полоскание проходило вручную, об этом не хочется распространяться. Занятие и рук требует, и спины. А вот механический отжим через валики казался нам забавным. Ну, выполнял эту операцию дядя. Сушилось все на улице, сибирский континентальный хлад вымораживал влагу и давал ту свежесть, которую никак не получить в наше время при помощи химии.

Поначалу у нас с женой была «Сибирь» с центрифугой. Серьезный шаг вперед, особенно при стирке пеленок. Да и прачечная была в городе хорошая. Приемка – как раз в нашем теперешнем доме располагалась, где теперешний трактир. Прочное постельное белье прослужило нам лет тридцать.

Пятнадцать с лишним лет назад мне на работе поставили компьютер, а домой купили мы стиралку-автомат. Совпали даты, будто для удобства запоминания. Как-то так в моем восприятии и комп, и стиралка сливались причудливо.

Компьютеров за эти годы перебывало с десяток. Простились с «Вяткой». Жена мотнула изувеченной головой, всплакнула внутренними слезами. Вынесли машинку ребята, грузчики, куда – не знаю. Горечь расставания осталась.

Хотя, если честно, какая это машина – «Вятка»? Цикл длился часов семь, а эффект – не очень. Шумела сильно, елозила, хотя там такие тяжелые противовесы установлены, что мой сын с друзьями, это их студенческие годы еще были, вчетвером затаскивали. Теперешние машинки килограммов на двадцать-тридцать легче. На полу стоят, как влитые. Жаль, котика нет в живых, он бы оценил. Макс обожал на стиралке греться, а вибрацией его не проймешь

Я подсел на всяческую стирку и восклицаю про себя: хорошо, что не купил очередной ноутбук, а именно машину стиральную нового поколения приобрел, ибо я обожаю стирать. От шелкового шарфика, пережившего две зимы, до костюма, в котором ходил на работу, постирал. Плед лежал 30 лет. После стирки стали видны на нем белые полоски. Куртки теплые зимние отстирались чудесным образом. От них исходит слабый свет, разводя на улыбку. Когда уже установили кореянку, упал, растянулся на тающем льду. Даже не огорчился: заложил в бак испачканные брюки, полчаса – и как новые.

Сын обнаружил в шкафу мой старый плащ с ремнем на воротнике, постирал. Давным давно я щеголял в нем, уверенно называл английским, хотя по паспорту плащ оказался польским. Фотка есть, где я в этом плаще с сигаретой. Вроде как загадочный, сражающий внешним видом каких-то напрочь забытых теперь очаровашек. Осталось только загадочная память о хорошем самоощущении человека, у которого все впереди Сын, ему уже основа-

тельно за тридцать, будет в нем загадочно обновленным ходить под колымским дождем. Да ходил уже, вон как промок.

Не бывает на свете непромокаемых плащей. Помнится один, териленовый. В нем я переходил 4-суточный ливень, тропический по интенсивности и холоднющий, словно чай со льдом. В Магадане я жил первый год, интересно все же. Дай, думаю, проверю, насколько водонепроницаемый. Иду по улице, тяжелые струи бегут по плечам, спине. Прошло несколько минут, и плащ стал пропускать воду. Как водосточная труба сделался. по рукам побежало, рукав – как водосточная труба.

Потом мы сушили плащ, но влажность в квартире – сто процентов, все сырое сохнет плохо, этот не просыхал, как алкоголик. Он так и не оправился, в конце концов резина от него отслоилась, выбросить пришлось.

Сын обнаружил и свой темный, в полосочку, костюм, в нем рассекал в Америке, 19-летний, видный собой. Постирал, рубашку американскую тоже. Другая аура, – говорит. Чистота многое значит. Вспомнил я его в том одеянии, вспомнил запах загадочный, заграничный, теперь-то он уже не волнует, как прежде.

Жена с особым сладостным чувством перестирала больничное, окровавленное. Шапочку свою черную с кофточкой в одной закладке. В ванной комнате теперь пахло свежестью, а не засохшей кровью.

Прошло полмесяца, и ребенку пришло в голову постирать кожаный плащ. Вода с него текла рыже-коричневая: многолетняя грязь, само собой и касторовое масло, которым несколько раз он подживлял кожу европейской выделки, а еще сапожная вакса, послужившая наведению черного цвета – все отстиралась, а при сушке не образовалось складок, есть у этой машины такая опция. Удивительно, какой черный глянцевитый цвет обрело изделие. Если так дело пойдет, стирке могут подвергнуться комнатные тапки и туфли с сапогами. А мои заячьи шапки? В них скапливалось по килограмму соли. Вот бы выстирать. Только где они?

А там и Гарь с велосипедом замер. В глазах теплится вопрос: нельзя ли велосипедик постирать?..

Как стиралку купил, пошел к ней порошок покупать. На рынок шаговой доступности.

– Машину, – говорю, – купил. Надо порошок подобрать. Что присоветуете?

Продавец недоумевает. Думает что-то, секунду, другую. И до меня дошло, что ввел женщину в заблуждение. Она подумала, что я автомашину купил. Какой в этом случае мне нужен порошок?

Хочу исправить неточность формулировки, да она сама просекла. Не стала рака за камень заводить, назвала марку.

Стиралка. Какая она? Образно говоря – градообразующая в семье. Как от печки, танцуем от стиралки. Чистообразующей.

Про 14 костюмов вспомнилось, которые годами в шкафу висят, ненадеванные. Вот бы их постирать. Как новые стали бы. То есть они и на самом деле новые. Но вышелушиваются. Время их точит, виртуальная моль. А взять загрузить и перестирать малой кровью?

Но главное – носки идеально отстирал, ноги млеют особой благодарностью. Я слышу их ночной безмолвный шепот. Носки, когда их кладешь на батарею сушиться, похожи на бумеранги. Возвращаются чистыми.

Новая машина бесшумна. Когда включена, можно подумать, что чайник кипит. А тут по какой-то иронии чайник сломался. Новый, считай, полгода поработал. Вроде как известной европейской фирмы. Гарантия есть. Иду мастерскую. Нет, не берем, – говорят. Отчаялись. У этих, бляха-муха, цокотуха, европейских чайников, слабое место – термостат. Бельгийские сюда не поставляют, китайских навезли, а у тех срок жизни – месяц. Замаетесь

менять. Так что не парьтесь, берите новый. Лучше такой, чтобы корпус не пластиковый. И нагревательный элемент в дно вмонтирован.

У нас чуть что – промывают людям мозги: мол, немецкое качество. А у качества, как у терроризма нет национальности. «Сделано в Англии», – пишут. Да, но сделано пальцем.

Да, чайник китайский купил. Корпус из металла, вроде как не канцерогенный. Чай без пластмассового привкуса. Правда, не раз уже натыкался на металлизированную пластмассу, знаю, что это такое. В шок привели якобы бронзовые ручки дверей, установленные в людном общественном здании. Бронза облезла, обнажив полупрозрачную фактуру. Пластик! Пи, пи, пи! Мне стало жаль жителей страны-производителя, бытующих в *добронзовую* эпоху. Есть инструкция к китайскому чайнику, и там предупреждение любопытнейшее: нельзя использовать при холоде. Иначе может сработать на включение и сгореть, если вода не залита. Китайцы – веселые ребята, выходит. Недаром их полтора миллиарда накопилось.

Некоторые чайники издают свистящий звук при закипании. Порой делают это настолько красиво, что напоминают певчих птиц. Этот, новенький, живо напомнил мне мастеров художественного свиста моего детства. Эдит Утесова пела в све время, помните? Вместе с тем: не свисти, денег не будет.

Юзеры – юрлица

Иду я галсами, поскольку в галстуке

Было время, дразнили тебя «Доска». Я тебе был своим в доску. Теперь ты пышка, а я пшик. Я тебе свой в бочку.

Ах, прости, Эвелина, за неудачную шутку. Ведь тебя уж лет двадцать, как нет в живых. Я нашел в Магадане, на рынке шаговой доступности твоего двойника и смотрю в шепелявые губы и вспоминаю твои речи, правда, не различаю слов. Про тебя не скажешь: хорошо подвешан язык. Вспоминаю так и не состоявшиеся поцелуи. Ты ушла 50-летней. Ты была красивой, как все ровесники послевоенных лет. Теперь таких не выпускают.

А та, вчера встретилась – молодая, вылитая ты – как теперь говорят, клон, с таким же строением ротового аппарата, шепелявая. Головой качает клон, он слонихе шлет поклон! Думаю, тут есть, над чем работать не только логопеду, но и хирургу. И у нее руки, хоть и похожие, тоже с переломом, но в другом месте.

Моя мать, не медик, говорила дельную вещь: язык надо выпростать, дать ему больше свободы, слишком прирос. Но тебя это мало волновало: не стремилась в артистки и ораторы. А муж – мкжчина что надо, и его поглотил канцер, как и тебя. Разве так бывает?

Разновидностей женщин немного и мужчин тоже. Я их различаю по цвету волос. Морщины делают нас похожими друг на друга, словно мы близнецы, и это сближает – дальше некуда. Женщинам сострадаю: иной раз для более или менее сносного настроения им приходится носить на лице 10—12 килограммов косметики.

А к весне дело. И не такое привидится. Ветер будит стуком в окошко в 7 часов. Погода сегодня заменяет пиво – качает при ходьбе. Но есть прием против лома. Особенно лома цветных металлов: проснуться и лежать, активизировав лишь небольшую часть тела. На маленький объем живой массы спускается благодать, огонек жизни растекается тонким слоем, его вдруг становится недостаточно. Задыхаешься, кровь захлестывает. Наступает следующий этап пробуждения. Или откат в засыпание.

Мир мал. Люди одной специальности всей страны знают друг друга. Например, писатели, художники, сейсмологи. Не говоря о кинематографистах. И смертельно больные знают друг друга в лицо: диабетики, сердечники, их изболевшиеся цепочки опоясывают мир наряду с вулканогенными поясами.

Симпатичный магаданец Виталий, муж первой (и последней) чукотской поэтессы, ездил лечиться в Италию, старшая дочь там живет. В этой стране взялась избавить от рака поджелудочной железы. Мужчина пережил рак 25 лет назад. Перенес и химию, и хирургию: просто был намного моложе, сильнее, здоровее. Иммунная система в расцвете. Один раз победил, стало быть, есть и второй шанс. Логично. Но не получилось. Виталию пора в Италию, – осталась печальная шутка.

А не жалею ли я, что не довелось слышать последних, пусть и предпоследних слов Виталия, чтобы использовать как прозрения. Пусть они и являются заблуждениями, да ведь заблуждения – это самое сильное, что бывает в человеке.

Некто на энтузиазме построил нечто невообразимое: из собранных старых автомобильных покрышек производит дизельное топливо. Но это не диво, ведь вся Россия на чем и держится, так на энтузиазме. На голом, как гололед. Вот ведь закавыка – нет финала главы. Мощное разочарование. Но – чего ждал, того дождался. Майского снежка. На день рождения новосибирского друга нападало. Без кепки выхожу и чую: отвык уже от ледяных прикосновений, мокрый снег моей лысине показался *снегом с дождем*. Такое ощущение было, что голова пробита, и в пробоину дует со свистом апрельский ветер с моря. Через несколько

минут втянулся в головомойку. Вспомнил зимний дождь декабря. Какой-то цикл завершился в природе. Хоть и продрог я, да сквозь дождяру кто-то из юности дотянулся и поцеловал мне сердце.

На майский снежок внук отреагировал адекватно: слепил небольшой снежок, какой уж получился, запулил в отца. Меткий стал, уверенный. Попал в деда, так бывает.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ в магазин для взрослых поступила мягкая порноигрушка для ветеранов. На вид это капуста – раздеваешь ее, раздеваешь, а там глаза. И так нагло подмигивают. Двусмысленно.

Я помню областную библиотеку в Новосибирске: безвылазно проводил вечера все шесть лет учебы. Сотни книг в читальне перемолол. Большой зал в библиотечном здании на проспекте – там будут чествовать юбиляра. Классиком он заделался. 70 книг издал. А лет тоже 70.

Наверное, там будет хорошо и многолюдно, набьется людей, как сельдей в бочке. Из их числа кто-то, да знакомый. И стало мне хорошо оттого, что знаю сибиряка много лет, вроде как друзья детства, как Валерка Чижов. Устроим рыбный день, будем молчаливы, как сельди под белым соусом. Или под шубой – в зимнее время.

Что ни говори, сильную конкуренцию свиносалу может составить такой продукт, как кижучевые молоки. Белки против жиров. Не все ж на конфликте жизнь строить. Надо смешать два продукта и налепить котлет. Красивых, не нелепых. Лучку побольше, чесночку. Впрочем, что это я велосипед изобретаю, когда есть велотренажеры? Рыбные котлеты обожают все, даже сами рыбы. О чем это я? Стиральная машина – приоритетная головная боль, но есть еще более продвинутый собрат по интеллекту – милый тошибздик, с кем чуть не накрылись мы медным тазом в зимний дождь. А гляди ж ты – до самой весны добежали короткими перебежками.

Ты не вздумай хандрить, – мысленно велю компу. Были бы в природе какие-то витамины, я бы ему купил. Но не знаю я таких витаминок. Ему не надо задавать непосильных режимов: включил одну программу и улыбайся, а вторую потом задашь. Тогда не надорвется, как случилось во времена зимнего дождя. Александр Евгеньевич спас диск. Смотрю в экран ноутбука, явленные буквы вызывают у меня слезы, темные на темном фоне. До смысла никак не доберешься. Или очки покупай посильнее, или настольную лампу помощнее. Впрочем, я уже делился этой проблемой.

Мыслительный аппарат напрягся, сердце разогналось, как скорый поезд. Нельзя такие вопросы решать от дум. И от дам. Забудь о пуле дум-дум! Как и ожидал, решение проклюнулось само собой. По наитию, мать его, надо действовать. Пошел в магазин, он в нашем доме базируется и купил! Широкий плоский монитор с вмонтированными звуковыми колоночками.

Включенный, он дает много света, световую стенку. Не нужно сильных очков! В первые дни голова болела от ясности, глаза ломило. Как сказал один мой знакомый поэт, недавно он отметил 83-летие: «Я вышел из тени».

Новый «хрусталик» – 22 дюйма по диагонали. Жидкий кристалл. Это мои двоюродные глаза.

Я буду питать мой компьютер вкусняшками: особым током, особой очистки, словами ободрения и похвалы. Протирать от пыли, которая в нашем городе легко превращается в наждачную шкурку. По всей земле происходит переход на стекловолоконную оптику, передающие кабели теперь оптические, будто бы изготовленные из человеческих глаз. Мы стали ближе – жесткий диск и мой твердолобый черепок. Мы соединены невидимыми нервами, мне больно, когда плохо ему. Мы долго ждали, и вот уже три месяца в нашем городе оптический кабель интернета. Такая радость, до сих пор не верится. А еще не угасла радость от монитора. На нем хочется смотреть. Фильмы! Наслаждаясь и отдыхая. Моя любовь

к видео доходит до ненависти. Привязанность до цинизма. Кино на выцветшем мониторе компьютера надоело за несколько лет. И фильмы все стали на одно лицо: темные, с обедненной цветовой гаммой. И вот запущен новый монитор, став подобием кинотеатра. В кино получаешь удовольствие от видеоряда, красок, уж затем докапываешься до тонкости режиссуры. Новый монитор вернул удовольствие от процесса киносозерцания. А скоростной интернет дал возможность смотреть балет, который я люблю уже лет 50.

В детстве, в поселке Калтан, мы устремлялись с маленьким братишкой в барак, приспособленный под кинотеатр, по многу раз вглядываясь в оживавшее полотнище, поддавались коллективной радости и наслаждались чистым, вкусным воздухом, когда кончался сеанс и мы выходили на улицу. Особенно зимой.

У меня в Магадане просмотр завершается часа в два ночи, и такое расписание, конечно, искажает восприятие. А выключишь, монитор и еще два часа потрескивает да пощелкивает, и звуки такие, будто издают их не механические, а живые устройства. Не хочу называть полтергейстом, чтобы не притягивать чертей. Ночные звуки компа – как если бы хозяйничал кот. Относиться к ним можно двояко: будоражат, не дают соскользнуть в сон. Вместе с тем, призрак кота заставляет екать сердце. И холодок в голове прокатывается, будто прицелились в спину. Можно и так сказать: старческие суставы скрипят.

Год прошел, а монитор не угомоняется. Часа три несутся из него трески и шорохи различной мощности и высоты. То забуду слово «барабашка» и снова вспомню. А еще вспомню слово треска и даже вкус ее жареной на растительном масле во рту ощущаю. Жаль, сюжеты фильмов так однообразны.

Больше всего о старшеклассниках американцы наснимали: напьются пива или какой-то дряни без закуски (!) и блюют. У нас на Руси так по-черному пьют только горькие пьяницы. Ну и девчонки у них испорченные – наглые, страшненькие, носатенькие, с деформированным лицевым овалом. Особенность американского любовного треугольника – все три угла тупые. Или с кукольными лицами, не отягощенными интеллектом.

Или на пикнике начинают на них нападать ожившие мертвецы, парализую волю парнишек, не говоря о гирлах. Классический зигзаг сюжета – расхрабрятся, нападают, черт знает, на что. Из света во тьму. На монстров. Вдруг очко сыграет: бежим! И весь фильм до финала убегают, бросая оружие и воинскую технику. А раненых добивают.

Но не только заштампованность сюжетов доканывает, но и клоновая похожесть физиономий. И речь не только об азиатах, но и об американцах тоже. Одного лишь Брюса Уиллиса я ни с кем не путаю. Меня прикалывает, как киношные американские солдаты ходят в атаку. Ползком поднимаются по крутому склону холма, под проливным дождем, по глубокой жидкой грязи. С вершины их поливают пулеметные очереди противника. Это в мировую еще войну, японцы. Если кого-то из атакующих задела пуля, на его крики сползаются братья по оружию, окликают по имени, тормошат, бьют по щекам, бестолково тыкаются, намереваясь как-то помочь, а задетый пулей верещит, призывая Господа и дьявола одновременно, упоминает и дерьмо – сильнейшее ругательство жителей Запада. Эти выражения не приносят облегчения. Через какое-то время атакующие отступают, и делают это с чувством исполненного долга. Повоевали, пора отдыхать, завтра будет новый день, новые подвиги. Пьют виски, этой же гадостью заливают огнестрельные раны, чтобы вынуть пулю и зашить. Пули как из детского пистолета: едва пробьют кожу, застревают.

Для американских фильмов характерна всеобщая истерика самосохранения, эти вопли: «Уходим! Уходим! Уходим!». Американские атаки, которые завершаются тотальным отступлением.

Или вот снайпер другого снайпера из засады выманивал, используя в качестве наживки третьего снайпера. Они за демократию в Панаме сражались. Потом в страны Африки пере-

местились. Лицо черным гримом мажет, хотя и сам темнокожий. Все равно что в дождь поливает огород.

Американские военнослужащие козыряют по делу и не по делу, к пустой голове прикладывают сложенную дощечкой ладонь. Из дощечек такой величины, между прочим, можно построить дом, ну, шалаш на крайний случай. Бунгало, в котором двум любящим сердцам можно согреть друг друга тахикардией. На берегу Нагаевской бухты, где дорога в морской порт доводит до самого первого здания порта, остались еще живописные лачуги, сколоченные из мелких дощечек. Магаданский художник Слава Фентяжев открыл эту натуру и изобразил с огромным сочувствием.

Это особые, похожие на шкатулки, ящики, в которых перевозили в свое время взрывчатку, шоколад, коньячные бутылки и много еще чего при транспортировке Северным морским путем. О ледовой дороге снова стали говорить по телевизору, планируется дать ей вторую жизнь. Китайцы подсуетились, хотят вструмить в нашу ледовую дорогу свой китайский Шелковый путь.

Матросы надевают чистую одежду перед сражением, так и это плавание из питерского порта через моря Ледовитого океана было полно торжества и романтики и готовности быть затертыми льдами.

Изготовлялись ящики из отборной древесины с любовью и тщательностью, к которой невозможно оставаться равнодушным. Людям хотелось быть причастным к чуду перемещения во льдах Арктики. Зачарованные отделкой ящиков, норовили использовать их как мебель, либо дать древесине ящиков вторую жизнь. Наверное, любовь к тщательно струганным дощечкам, отшлифованным, отлакированным, теплым, как ладонь, на самом деле всеобщая и не знает государственных границ.

Бывал я в Магадане на небольшом деревообделочном заводе, теперь не найдете его следов, он был снесен под корень, на какое-то время появился огромный котлован, в районе бывшего горотдела милиции, на Пролетарской, я проходил мимо и недоумевал при виде этого небольшого светопреставления. Директора видел несколько раз. Видный мужчина, симпатичный, с хорошим лицом, с ним было хорошо общаться в теплом помещении, а на улице теряться в толпе, в ту пору в городе можно было отыскать толпу, если постараться.

Я обнародовал его идею продавать в Германию ящички из колымской лиственницы для помидорной рассады. Чтобы хорошо высушенную, без кривизны отшлифованную дощечку производить тут, в Магадане. Наивность моя переходила все пределы, и директор слегка вразумлял, не для печати, что из дощечек в далекой цивилизованной стране будут изготовлять качественную мебель. Или даже музыкальные инструменты. Стало быть, спрос обеспечен. Чтобы покупать по умеренной цене и получать большую прибыль. Новая экономика, надо в нее вписаться. Вписался, обогатился, исчез с горизонта. Думается, он продавал эти дощечки самому себе, в этом случае эффект наивысший. А я любил дощечки просто так, без мысли об извлечении выгоды.

Когда я впервые посетил театр оперы и балета в Новосибирске, и балерина в прыжке опустилась на паркетины сцены, словно на клавиши, я запомнил тот звук и почитал его более остальных в спектакле. Это был «Щелкунчик» на музыку Чайковского. А я приехал на экскурсию в город из районного центра и был смыт наповал теченьем музыки и света.

Высушенные деревянные брусочки, досточки – в руках перебираю, глажу, пальцами стучу, не в силах оторваться. Есть у них неведомый магнетизм.

Один магаданец – столяр и плотник – начал досточками обшить мне квартиру, да не успел, смерть к ему пришла через сердечный дефект. Лишь одну кухню преобразил. Он работал на том столярном заводе, доживавшем последние месяцы.

Плотника звали Виктор, мир его праху, а на месте завода построена заправка для автомобилей.

Однажды я заправлял на той заправке свой «Жигуль», и память схватила за горло. А паркетины балетной сцены стучали и стучали в висках, как сложенные дощечками ладони, и я прикладывал к виску ладонь, салютуя постепенному всеобщему уходу. Голуби хлопают крыльями в полете так же. Аплодируют сами себе. Теперь в аэрофлоте стало традицией аплодировать самолетному экипажу при посадке. А если вдруг попадаешь на спектакль Магаданского музыкально-драматического театра, слышишь аплодисменты, и снисходит уверенность, что только что совершил трансконтинентальный перелет.

В американских фильмах ночь-полночь, раннее утро, предлагают гостю что-то выпить. Вам что налить? Виски? Со льдом? Человек незнакомый, может, гангстер или маньяк, а ему выпивку. Никто не предложит кваску или зеленой газировки «Тархун». У нас это не прижилось. Но зарекаться не буду. А американец, судя по фильмам, никогда не спросит: «Ты меня уважаешь?»

Американцы почему-то держат в ванной комнате лекарства в шкафчике и пьют горстями. Нам это непривычно и дико. Разве что стареющие дамочки в рабство фармкомпаниям отдаются душой и телом. Признаться, и я когда-то глотал лекарства, не задумываясь. Теперь лекарства дорогие, и особо ценишь внутренние защитные силы организма.

Американское кино повлияло на всю нашу жизнь, даже в мелочах. Человечество движется вперед при помощи американского кинематографа. Со скоростью 24 кадра в секунду.

Многие фразы американцев переняли наши киношники, и вот уже с экрана льются переведенные с английского фразы, будто лузганье семечек. И жесты тоже скопированы. Горазды современные супербои пинать колесо в случае, когда заглох двигатель или бросать под ноги мобильник и давить его тяжелым кованым каблуком. Или вот наш быковатый вояшка бросил в стену зажигалку.

У них нет понятия, как правильно трогаться с места, сев за руль. Педаль в пол, колеса вращаются на пределе возможностей, не цепляют грунт, только дым столбом. Как правило, резина начинает гореть. А если бы вам наш гололед? Да вы бы никогда не тронулись с места. Я тоже неправильно выезжал, пока не поправили бывалые магаданцы. Ты сядь, расслабься, включи сцепление, не прибавляя газа. Стронулись колесики, чуть-чуть провернулись. Чуть-чуть зацепит, прибавь газку. Не буксует, прибавь еще. И резина целая, и горючку побережешь.

Французские фильмы по-настоящему пробивают на амор. Даже не очень красивые женщины сверкают, у них, словно брюлики.

Английские фильмы полны своей прелести. Персонажи говорят, говорят, а я слежу по титрам. Будто бы они отвечают урок инглиша, и делают это хорошо. Здорово они выучили английский. На отлично. Дурацкие какие-то мысли, но ничего поделать с собой не могу. Какие уж есть, зато свои.

Английские полицейские выполняют свои функции без пистолетов. Преступники слабее вооружены, чем американские копы. Даже как-то боязно за представителей закона.

Корейские фильмы – их тоже насмотрелся. Поначалу сложно было персонажей друг от друга отличать, на наш, европейский взгляд, лица азиатов похожи, как две капли воды. Потом пригляделся, да и они тоже на месте не стоят, думают. С европейцами консультируются, подбирая актеров. Если постараться, можно найти яркие индивидуальности.

Англичане в камуфляже начинают дрючить население без каких-то видимых причин, американские просто бы не обратили внимания, например, на тех, что проявили невоздержанность в употреблении пива. Сидят, никого не трогают, а полицейские их явно провоцируют на нарушения.

Кинофильмы Страны Советов удручали бессмысленными проходами артистов. Вот он идет, идет, идет, минута, две, три, уж десять минут прошло, а действие так и не началось. Теперь не ходят, едут и едут по экрану с умным видом в дорогих джипах без пробега по доро-

гам СНГ. Зашкаливающее благополучие с одной стороны и фантастическое убожество с другой.

Индийские фильмы знакомы с детства. Много музыки, много вокала. Сейчас и до Оскара доросли. Но не это поразило, а то, что у них о спиртном вообще речи нет. Пьют фруктовые соки, чай, едят фрукты, а женщин перед употреблением посыпают пряностями. Вернее, женщины натирают себя афродизиаками, распаляют мужичков. Видел недавно фильм о такой кудеснице. Обалдеть. У англичан есть девочки с перчиком, но это вокалистки.

Индийские женщины очень красивые. Большие глаза, одухотворенные лица. Но до наших им далеко.

Посмотрел, едва ли не впервые, норвежский фильм. Есть отдаленное сходство с эстонскими фильмами. По темпераменту. Некоторая заторможенность. Оттягиваются рюмкой-другой неизвестного спиртного. Милые безобидные люди. Главный герой – молодой гей получил от пожилого партнера, умершего от рака, наследство, почти миллиард долларов. И в финале сказочно богатого гея убивают, когда неосмотрительно уехал в Таиланд. Убили корейцы, да и на территории Норвегии шустрят в криминале азиаты-гангстеры. Ни одного выстрела, а компру они как создают как: снимают на фото в постели с подкидным любовником, пользуясь крепким снотворным. Лохотрон какой-то. Или это просто шутка? На всякий случай тихо смеюсь.

Датский фильм про женскую тюрьму. Там священник – женщина. Ущипните меня, разве такое возможно? Женщина! Тяжко ей приходится, когда наваливается груз вселенских проблем, прихожанки задают вопросы, на которые не под силу ушлому мужику ответить. Церковь у них какая-то условная, похожа на школьный класс, и настоятельница – как училка, простая, без харизмы. По заученному шпарит.

Живут в тюряге завидно, как на нашем курорте: чистота, комфорт, разве что наркота запрещена. И то формально. А проблема какая – двигатель сюжета – забеременела попесса и злится на мужа: рожать ей или не рожать при патологии беременности. Последствия могут быть не очень хорошие для ребенка.

Помнится, мама говорила мне, пацану, что хотела бы стать священником, если бы это разрешалось женщине. В православии это невозможно. Пока. Да и в дальнейшем, думается. Мать в последние годы жизни по многим святым местам поездила, а когда купил ей пишущую машинку, перепечатывала молитвы, сшивала книжечками и хорошим людям дарила.

Больно мы отличаемся от людей западного толка своей истовостью – молиться, так до крови, любить – до смерти. Будь Гамлет русским, он бы не взвешивал на лабораторных весах за и против, подкинул монету: орел или решка! Или грудь в кустах, или голова в кустах.

Недавно видел самый малобюджетный фильм в мире. Декорация минимальна. Военного шофера – американца заживо похоронили в Ираке. Террористы-изверги. Очнулся в гробу. Есть зажигалка и мобильник. Стал звонить, требовать помощи. В главной роли Рейнолд Рейндолс. Возможно, покажут и других, кто его спасает, – делаю предположение. На самом деле роль единственная! Фильм держится на любопытстве зрителя: спасут парня или нет. Спасли бы, будь этот фильм американский, а то его испанцы поставили. Они непредсказуемее.

Великий итальянец Джакомо Пуччини чем-то близок мне. И дело не только в музыке. Это физиология. И народная этимология.

Композитор Чайковский – я его обожаю. Сметана тоже симпатичен, хотя вряд ли я слышал хоть одно его произведение. Ну а Пуччини! Так и слышится «ножом в пучину». Когда-то в восьмом классе мы жили с матерью на квартире в городе Новосибирске. На улице Чехова, кстати. Чехов – мой любимый писатель. Я увлекался фотографией. И однажды принес домой фотовспышку. Хозяйка, злоупотребив бражкой собственного производства, была

сильно пьяна и мешала мне делать уроки – писать сочинение по рассказу Чехова «Черный монах». Я сфотал ее со вспышкой, очень испугал. Она открыла погреб, такой причудливый: из жилой комнаты потаенный ход, затаилась там, где мы прятали электроплитку при появлении посторонних личностей, подозреваемых на причастность к Энергонадзору. Мне показалось это забавным, и я еще раз ее сфотал. Вещественное доказательство. Что-то уже понимал в этом. Тут она и произнесла свою фразу, которая засела в моей памяти: «Ножом в пучину». Будто бы я ее зарезал. Вспышка света вызвала причудливую ассоциацию.

С той поры у меня пробудился интерес к композитору Пуччини, я с интересом слушал его оперы по радио, затем и в оперном театре в Новосибирске. Мороз по коже

Бежит мысль, окрашенная музыкой, звучит музыка, наполненная светом, а свет разложен на семь цветов. Переливается чимо-чимо, неизлечимо. Быстрее мысли наползает печаль, и быстрее печали потоки света звучали. Пуччини свой в «Тоску». Когда брал диск с фильмом о нем, надеялся пережить что-то такое.

Приемная дочь Джакомо Пуччини гнобит молоденькую горничную, доводит до самоубийства – за то, что застала хозяйку в постели с любовником. Это в аннотации говорится. А то бы я ни за что не догадался. По фильму не скажешь. Пейзажи в нем восхитительны. Ни слова не говорящий композитор. Фактурная внешность. Он или смачно курит сигару, сочиняя партитуру, или едет в экипаже или в поезде, и голос за кадром читает его подлинные письма. Музыкант ни разу рта не раскрыл. Его музыка говорит сама за себя. Только уши прочисти.

Повеяло чем-то знакомым. Когда-то подобные фильмы снимало Магаданское телевидение. Упоминание о Тоскане, отозвалось во мне: ведь тезка (различие в одной букве) Таскан – есть река и поселок в Магаданской области – старинный, национальный. Правда, он прекратил свое существование и ликвидируется. Тоска, одним словом. А у Джакомо опера есть «Тоска». Как-то все переплелось многослойно. Фильм снят в Тоскане. Думаю, местными силами.

Теперь, думаю, можно помечтать об ответном шаге – воплощении в кино нашего Таскана. Тем более, что упомянутая мной магаданская телестудия продолжает работать и здравствовать. Конечно, понадобится средства, привлечение спонсоров, но это шанс не упустить своего шанса.

А вот и фильм из Аргентины – серебряной страны. Умеренно занудный, на избитую тему о вирусах, о какой-то невиданной прежде опасности для человечества. Хотелось мне посмотреть, как они живут, какие города и парки. Как танцуют танго красивые пары. А тут несколько семей, им не до хореографии. Холодильник забит всяческой снедью, квартира – шмотками, но жизни как таковой нет. Как-то камерно и малобюджетно снято, без особых примет. Слово – серебро, золото – молчание. Аргентум – серебро, Аргентина. Серебряные люди. Был и на Руси князь Серебряный, и на Колыме имеется мирового класса месторождение серебра, с небольшой долей золота – Дукат. Бывал там, видел серебряные самородки, похожие на серебряные стружки.

Аргентина – сочная, вкуснейшая трава, самое дешевое по себестоимости в мире мясо. А тоже хотят заявить, что у них есть проблемы, крутые по части экстремухи едят тя мухи. Вирус – он и в Южном полушарии вирус. Пандемия способствует мутации сознания. Борьба с вирусом подвигает взяться за огнестрельное оружие. Причина, думается, в нас самих. Скрывают правду о стране, чтобы не понаехали. Там и так русских полно. А правит женщина. Красивая, надо сказать. Но живется ей не сладко.

В свое время я поражался, с какой легкостью лепят сценические образы сценаристы-ремесленники во времена Советов. У них один персонаж с грузинским акцентом, другой – обязательно узбек, соответствующее произношение. Ну и, разумеется, якут, украинский парубок, русский, волгарь, налегающий в разговоре на О. Таких не спутаешь.

Уральский говорок я узнал, учась в университете, в городе Свердловске. Есть там небольшая киностудия, с главным режиссером мы пили в студенческие времена водку. Не раз приглашали в компанию Якова Михайловича. Ну, для прикола. Стоя на проспекте в позе центрального нападающего, Свердлов казал рукой на универ, бывший совнархоз.

Наши фильмы, полные лапши из пшеницы мягких сортов. А еще есть лапша из крахмала – китайская. А мне нравятся.

Мечта о новом прочтении фильмов не оставляет меня. Новейшая аппаратура будто бы позволяет некоторые сцены прокручивать ускоренно, с сохранением внятной речи, стоит скомандовать: «Комон! Комон!».

Приметь, половой признак служит средством идентификации артиста и персонажа. Женщина. Она тоже может быть приметной. В платье, в военных брюках. Две большие разницы. В корейском сериале одна героиня оказалась намного круче мужчин: бесстрашная, отважная, оружием владеет так, что даже привыкшие к виртуозным бойцам ниндзя зрители приходят в восхищение. Она раскрывает государственный заговор. Действие происходит в средневековой Корее, а персонажи – чиновники. Движущая сила тогдашнего общества. Есть там чиновник Бяк, чиновник И. Еще два: по имени Ча и Ок. Четырехсерийный фильм называется «Тайна блестящего камня». Что за камень, так и не понял. Какой-то символ. Может, второй раз отсмотрю под протокол?

Героиню несколько раз ранят: то в правое, то в левое плечо. Бедняжка плачет от боли, как любая женщина. Вызывает симпатию, зайка. Мужчины там тоже плачут, отнюдь не скупыми мужскими слезами. Ревмя ревут. Иногда делают это коллективно. Мужики корейские вынуждены выполнять приказы женщины, но мужское самолюбие взыгрывает, и приказ приходится отдавать несколько раз. Тут как раз внук попросил разъяснить, что такое анархия, и я воспользовался возможностью не валить все на князя Кропоткина и батьку Махно. Проблема подчинения или неподчинения приказу командира актуально и для американцев, и для англичан.

А вот корейцы в американском фильме о психологе стыдятся хоть как-то проявлять эмоции. Мне казалась странной такая сдержанность, да вот судьба меня свела с эвенскими сказками, там тоже усеченная эмоциональная палитра. Между прочим, наши северные таежники ведут размеренный образ жизни и отличаются долгожительством.

Прыжки с шестом метра на три вверх, полеты над легкими домами из соломы. Наверное, из ансамбля песни и пляски крутые корейские парни. И смешно, и трогательно. Когда пришлось выбирать стиральную машину, я взял корейскую модель, не без влияния этого сериала. Ну, и сын в старшем школьном возрасте, с нунчаками симпатизирует корейцам. А внуку не передалось.

Вот свеженькое наблюдение. В Латвии принимают закон о сквернословии. Заявляют об этом на весь белый свет. А разве есть что-то похожее на матерок в латышском языке? Помоему, самые сильные ругательства у латышей на русском, сам видел в их игровом фильме. Основной текст дублируется закадровым переводом, а эмоциональная часть понятна русскому слушателю без перевода, как говорится, один к одному. Так что русский мат остается средством межнационального общения. Уже за одно это нужно быть благодарным базовому языку. Мне думается.

Компы без помпы

В сквере голуби. Голубка приседает на мгновение. Лови момент. А он тянет и тянет резину. Эх, опять сорвалось. Жди теперь, когда она опять присядет, гуля.

16 лет я с неослабевающим восхищением смотрю на компьютеры все новых и новых моделей. Вон двухъядерные появились, трехъядерные. А когда я входил в этот призрачный мир, о таком и не мечтали. Новыми были 486-е, потом пентиумы, от которых мутился ум. А мне выделили на работе 286-й, который после неисчислимых мучений передали организации инвалидов. А ведь ребята, молодежь, кто садится нынче за комп, не подозревает, насколько неудобны были предшественники. Подумал об этом, и вот что пришло в голову: им же не надо осваивать старые модели, не надо приспосабливаться к большим, 5-дюймовым дискетам, да и 3-дюймовые отходят в прошлое. Я помню свою обалделость, когда вычитал в журнале, что в цифровом фотоаппарате изображение записывают на дискету, и на нее можно записать один снимок. В моем новом фотике таких снимков на крохотную карту памяти можно записать 40 тысяч. Столько я не потяну, все окрестности Магадана и все население.. Нет, не потянут.

Внук сразу попадает в ногу со временем, и ему не надо корпеть над зависающем аппаратом. Он и не знает слова «зависать», теперь модно говорить «глючит».

Захожу в магазин, присматриваюсь к планшетникам, хотя мне вовсе не свербит купить. И даже не деньги определяют мою осторожность, ведь сколько надо крови попортить, пока освоишь новинку, дойдешь до автоматизма!

Любуюсь выносными дисками, на которые можно записать до 3 терабайт, это же в голове не укладывается, сколько он заменяет дискет.

День ги

А почему бы не ударить лицом в грязь? Ведь грязь
лечебная и деньги грязные. Денежная подушка под брюшко, на нее водяной матрас

Тут в прессу выплеснули занимательную информацию: мол, нынешние сто рублей равняются одному рублю советских времен. Удобно стало пересчитывать, сравнивать прошлую жизнь с нынешней в рублях. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Из песни слово не выкинешь, но инфляция подорвала изнутри всю выразительную силу фольклорной миниатюры.

ЗАПИСЬ НА ПОЛЯХ. САГА О РУБЛЕ. Монету достоинством 1 рубль, свежую, тогда их еще делали вроде бы из серебра, с символикой грядущего 20-летия Победы я звонко бросил на медную чашу – не фонтана, а вечного огня. Я был с девушкой и хотел произвести на нее впечатление. Мы купили билеты в кинотеатр на улице Римского-Корсакова и дожидались сеанса. Фильм про Ёгана Вайса – разведчика.

В сквере, посаженным студентами строительного института, как рассказывала старшая сестра, принимавшая в этом участие, отстроили мемориал сибирякам, отбросившим вражьи полчища от Москвы в декабре 1941-го года. Много-много бетонных блоков, на них тысячи и тысячи металлических фамилий погибших. Мы тоже вглядываемся в бронзовые буковки, отлитые на заводе сельскохозяйственного машиностроения. Здесь нет имен наших отцов. Мой был в великом противостоянии с японскими самураями, а ее – этнический немец, тянул лямку на Северном Урале. (Откуда дровишки? Из леса трансвестимо).

Став моим тестем, он много рассказывал на шести языках, как был в советском и немецком плену, про пароли и явки. Не то, что «явка обязательна», а гораздо круче. С Ёганом Вайсом и Абелем он лично имел пить шнапс.

(А мог бы сохранить ту юбилейную монету. Только что в газете напечатано, что коллекционеры дают за юбилейные того времени по 200 рублей за рублевую).

Когда я рассуждаю о собственной семье, безотчетно перебираю жизнь какой-то другой магаданской четы, улавливаю обескураживающую похожесть. В конце перестройки умами многих магаданцев владела одна актерская пара из театра имени Горького. Что он, что она появлялись на телевизионном экране с постоянством, заслуживающем лучшего применения. Попеременно читали в микрофон со всей силой своего недюжинного обаяния, так называемые коммерческие объявления. (Кушать подано, быть или не быть).

Я не мог не ассоциировать их обоих с самим собой. Потом он умер: горлом хлынула кровь при чтении проникновенный стихов на сцене театра, заставляя вспомнить нечто из классики о гибели актера всерьез.

Когда этого обаятельного милого артиста хоронили, в театре было незабываемое зрелище десятилетия. Все свое, интимное, домашнее, семейное. Маленький город в городе, а сцена – третья составная часть матрешки.

А вдова в непринужденной позе с высоко открытой грудью продолжала откидываться на стуле, сообщая о поступивших в магазины товарах и уже тогда придуманных скидках. Она мне нравилась неописуемо. Чистым грудным голосом, не засоренным курением и сквернословием. Неподражаемым темпом речи. Она соответствовала моему стереотипу актрисы. А голос еще несколько лет звучал в моей акустической памяти после того, как этой замечательной женщины не стало.

В панельных домах есть лишь одно место, где можно с комфортом покончить с жизнью. Повиснуть вместо люстры не удастся, никакого крюка, выдерживающего вес даже миниа-

тюрной женщины, нет. Одно, повторяю, подходящее место – в туалете, если еще оставался на месте смывной бачок прежней конструкции, прикрепленный в выемке стены, оставленной на заводе железобетонных изделий именно для метровой трубы, в которую устремляется поток воды и смывает весь набор отходов. Бачок крепится поперечной железкой внушительной толщины, с большим запасом прочности. Эта железяка может удержать и вес человеческого тела, переходящего из мира живых в загробный мир, если, конечно, не довел живой вес до 300 килограммов. Бельевой шнур на шею – прощая, жизнь. Прощай театр, зрители, главный режиссер, аплодосы.

Стиралку, выходит, я за 200 брежневских рублей купил, монитор за сто. А «Вятка», неуклюжая, помнится, 400 советских, деревянных стоила, правда я ее за миллион покупал, в ту еще инфляцию.

Из Вятки писатель приезжал – по внешнему виду – вылитый стрелец с картины Сурикова. Страдал от суперпамяти: ничего не мог забыть: слова случайных людей, газетные заметки. Спустя тридцать лет спросил я его об этом, когда встретил в Москве. А у него уже склероз, никак не мог вспомнить ни Магадан, ни экскурсию в психушку, ни борьбу за сухой закон и его преодоление в отдельно взятом учреждении – Тальском санатории, силами начинающего писателя Стаса и его жены – медсестры Валентины. Ни саму жалобу на нестираемую память. Когда я слышу: «ему стерли память» в фильме со Шварценеггером, воображаю манипуляции со стиральной машиной «Вятка». Голову в мойку…

Не знаю, кому как, а для меня денежный интерес – самый сильный. Как прочел о стократном разжижении рубля, воспарял духом и нашел две сберегательные книжки. На одной 15 рублей. Это же 1500 рублей нынешних, – пронеслось в воображении, усиленном стойким безденежьем последних месяцев. На другую в свое время аж 50 рублей положил, хотел выиграть по вкладу. Неужто 5000 рублей по нынешнему курсу? Что-то беззвучно щелкнуло в голове. Способность критического мышления начисто отшибло. Цифры замелькали самопроизвольно. Я копил деньги 20 лет назад, чтобы отдавать долг за купленную автомашину. По 300 – 500 рублей за раз заносил на счет, имея солидный приработок. А самая большая цифра накоплений 4400 рублей. Где-то близко к теперешнему полумиллиону. А где мои теперешние полумиллионы? Вот как низко меня и всю денежную систему опустили, а!

Повышенная эмоциональность не пристала человеку старшего поколения, знаю, знаю это, но никак не совладаю с собой. Я уже начал в красках и звуках представлять себя осчастливленным новыми обстоятельствами, пошел в сберегательный банк, отстоял часа полтора в очереди. Подал девушке в зеленой косынке книжку.

Мне сказали, что нужно написать заявление, и мне пересчитают – сорок с лишним рублей компенсации, причем дважды. Так что до воображаемых сотен и тысяч далековато. Ну и что, отступать не буду, написал заявление. Теперь будут рассматривать. Зачислят на счет. Только не надо пороть горячку, подождать следующего повышения.

По второй сберкнижке надо в другое отделение обратиться – возле рыбного магазина (ах, простите, рыбного магазина, «Океана» уже нет, там еще одно отделение Сбербанка). Уж туда-то отложил поход до лучших времен: больно уж лило с неба. Да что-то до сих пор что ни день, избыточные осадки. Надо бабьего лета дождаться, что ли. Прижаться головой к женской груди магаданского климата. Но я обязательно схожу, напишу заявление на компенсацию, попытаю счастья. Иногда бывает полезно знать, чего лишился.

В 1992-м году, когда по мановению Гайдара инфляция перешла в гипер, люди по 100 тысяч лишились и обращались ко мне, вне себя. Бились в истерике. Это ж сколько получается на современные деньги? 10 лимонов, что ли?

КАК В АПТЕКЕ. Надпись поперек текста. Госпожа Энн – золотая женщина из серебряного века, опыт обращения с деньгами у нее самый большой в городе, и не только в рублевой, но и в юаневой зоне. Довелось ей за границей родиться и многое повидать. Сын,

дочь, внуки, правнуки носят ее гены. Муж пострадал в сталинские времена. Три языка знает. И трудового стажа у нее лет 70. Одна правнучка спокойно слушает сказку, на другой день показывает картинки. Другая спрашивает, чем отличается царевна от принцессы.

Про нее два слова, не возражаете?

Были времена получше, а теперь зарплаты хватает, чтобы мала-мала заплатить за квартиру и отдать долги. На другие траты идет пенсия, которую женщине зачисляют на сберкнижку.

В день зарплаты возникает в учреждении, где она работает, небольшое завихрение: первым делом надо отдать долги, которые у коллег, да и у той же Энн назанимали, а получку, или, говоря по-старинному, оклад жалования выдают тысячными бумажками, разменять которые на меньшие невозможно. Магазины просто не хотят заниматься обменом. Слишком хорошо усвоили это «что я буду с этого иметь?», а простая любезность вышла из моды, как шляпы с перьями.

Но не так уж все плохо. Не надо опускать руки. Госпожа Энн не ходит в магазины, к накрашенным особам. Прямиком в аптеку направляется. Но к лекарством сдержанность, даже полное равнодушие. Там ей не отказывают в обмене тысячных купюр, а порой и пятитысячную разобьют за ее милую улыбку. Но не думайте, что, узнав этот секрет, вы обеспечите себя мелкими деньгами для торговых операций без наркоза. Ну, вы попробуйте, может, что-то и получится. А не получится, не обессудьте. Это лишь у госпожи Энн получается. Хотите узнать причину? Она проста, как порошок марганцовки. Провизоры принимают госпожу Энн за свою. Не удивляет? А присмотрись получше, эту женщину везде принимают за свою.

Ну вот, накаркал. Заходит она очередной раз, и что-то с сердцем у нее происходит. Какой-то сбой.

Дали какую-то таблеточку безобидную, а не помогло. Пришла на работу с обеда, мается. До «Скорой» дело доходит. Госпитализируют в кардиологию.

А там, на ее счастье, новое лицо. Доктор, которого руководство области лично пригласило на особые условия. Оклад жалования и оборудование – грех жаловаться. Увидел он госпожу Энн, узнал, сколько ей лет и принял экстренные меры. Грудь располосовал, мне девушки рассказывали, которые табуном за нашей героиней ходят, вставил кардиостимулятор. И стали ждать. Она как от наркоза проснулась, сазу же на работу засобиралась. А на другой день проявила в этом вопросе настойчивость.

Ну, вы же понимаете, что так скоро дела не делаются. Быстро только кошки родят.

У нее собачка. Той-терьер, как телефонная трубка.

Короче, продержали недельку, отпустили. Стимулятор отсоединили за ненадобностью. Как же так, я какие попало таблетки не пью, – говорила госпожа Энн. Ну и на старуху бывает проруха, – подумала. Неужели ж вы хотите меня назвать старухой? – тихо возмутилась. В мои 95 все только начинается.

Дочь Наташа из Москвы подъехала, с ней на кладбище съездили, постояли над могилками, где растут сосенки, выше роста человека уже вымахали. Сосны вообще-то в Магадане не растут, так, если посадят добрые человеческие руки. Муж там лежит, сын. Навестила. В Москву с дочкой уехала. С внуками и правнуками повстречалась, порадовала. Как бы теперь с внучкой Танюшей повидаться в Италии, малюток ее обласкать.

Та еще нищета

Тех, кто на морозе дрожит мелкой дрожью,
мы посыпаем крупной солью

Нищих в городе сильно поубавилось. Думаю, оттого, что нерентабельное это занятие. Если раньше тебе подадут копейку, так мог коробку спичек купить. А сейчас знаю одного колясочника, он вполголоса отчитывает своих благодетелей: «Что ты мне мелочь суешь?» Энергично так, зло. Того и гляди, съездит по физиономии. Изредка прохожу мимо, он неподалеку от «Нептуна» свирепствует. Голос зычный, наверное, командирский. Возможно, он воевал в горячей точке и наступил на растяжку. Меня он не задирает, наоборот, издалека привечает улыбкой, какими-то неразборчивыми фразами, а мне страшно неудобно с пустыми руками проходить мимо. Надо будет когда-то вручить ему что-то, чтобы не обидеть. Даю себе обещание, да тут же забываю.

Есть и другие соискатели, я их издалека замечаю: с руками, с ногами, робко переминаются, будто их не пускают в платный туалет. Начинают издалека, с подходами, чтобы выслушать их устные рассказы, надо остановиться на минуту-другую, а я напролом своей нерешительности иду, и на лице выражение глухонемого. Это срабатывает, никто пока что не принялся изъясняться жестами. Прохожу, как железнодорожный состав, и это заставляет соискателя вытянуться и салютовать.

А ведь были времена – деньги не знали, куда девать, стремились спустить побыстрее, чтобы не обесценились.

Наперегонки с инфляцией покупали все, что на глаза попадалось. Настоящий аттракцион. Помню, японопечурку в пору гиперинфляции лихорадочно купил. Сейчас таких что-то не вижу. Часа полтора манипуляций, и небольшая булка хлебушка, горячего, с хорошим вкусом, рвет ноздри, умиляет сердце. Печурка стоит уже много лет на шкафу, напоминает чью-то оплошку. Умная печечка, она вызывала во мне отцовские чувства. Может быть, вновь повезет и где-то найдется небольшая деталь – крыльчаточка, которую вынули мыть да и выплеснули с водой как ребенка, обездвижив творение японских кудесников.

В семидесятые годы за копейку можно было купить газировку, за две – газету. Что стоит теперь одна копейка, если и рубль ничего не стоит. Газета 2 коп была. Теперь коп ничего не стоит, и вместо ментов копы. Полицейские. Остались, правда, и рубы – лесорубы. Рубль равен копейке советского времени. Горстями поблескивают копеечные монеты у загса, которыми теперь осыпают головы жениха и невесты, я видел во дворе этого необычного учреждения: их сметают в мусор. Ведь для покупки коробки спичек надо накопить нынче 250 монет, на газету – тысячу металлических кружочков. Раньше хоть медные были, а теперь к магниту прилипают. Продавец газет в киоске, милая дама, пальцы забинтованные. Ей будто кислотой, монетами кожу обожгло, такой нынче металл никудышный.

Ну, ладно, если бы только собрать столько монет за газету – что-то мне эта картинка врезалась навязчиво. Можно же заплатить и одной монетой – десятирублевой. Просто пишем одно, а в уме другое. И недоговариваем, недодумываем.

Осталась привычка с давнего времени: коль купил что, да еще за 1000 монет, будь добр, прочти. Так воспитан. Всю жизнь в бережливости: газету, книгу начал читать, прочти до корки. Просто мама так приучила: налито в тарелку – выхлебай до донышка. Будь добр, а то за шиворот вылью.

Лишь недавно стал отходить от этого правила, а мамы уже 15 лет нет на свете. Я читать начинаю и ловлю себя на мысли: а я же об этом уже читал. С нынешними газетами знакомиться так же мало радости, как из грязи поднимать монетки в количестве тысяча штук.

Лес рубят, щепки летят. Щепки наши любили приобретать закордонщики. Перерабатывали в фанеру для эстрадного пения. А теперь деловой лес за кордон везут большими железнодорожными составами – копам хоть бы хны. А нам не надо, даже щепочек.

НАДПИСЬ НА ПОЛЯХ И ЛУГАХ. С НАТУРЫ

Телефонный звонок.

– Это прачечная?

– Более того. Это пра-прачечная. Типа прабабушки.

Такой юмор.

На самом деле это управление (бери выше, министерство) культуры, и там установлена мощная стиральная машина. На ней день и ночь стирают наряды артистов, статистов, выступающих на уличных мероприятиях. Флаги, лозунги стирают. Принимают заказы от населения.

Стиральная машина от корейской фирмы, есть такое ощущение, собранная на конвейере в России, в первые дни жизни в нашей семье дает радость победы над грязью. (Один политик пишет, что мощь фирмы «Самсунг» обеспечил приток русских инженеров. Спорить не буду. Есть похожий пример. В Магадане не смогли удержать спортивных тренеров, они в Корею уехали. И таких вырастили боксеров, что уже нашим ловить нечего).

У механизмов последнего поколения, так называемого хайтека ближе всего связь с умницей ноутбуком. Ух, как я это ощущаю – умом и напряженными в предощущении счастья участками тела, мозг теплеет. Я все больше и больше чувствую себя андроидом. Слышишь, как андроид роет?

Может быть, я не умру бесповоротно, а стану киборгом, переселюсь в Тошибу, постараюсь перенять самурайский дух. Я же легко в стиралку преобразился, ликовал при первых запусках от чистоты и свежести. Побыл и пылесосом, вне себя от восторга, освобождая его от жидкой грязи. Там водяной фильтр.

Нравится мне чистить унитазы, и по приколу, и по протоколу. Отмытый фаянс пахнет илом, лечебной грязью, из такой и родятся князи.

Я и холодильником бы мог стать, с моими-то холодными ногами. Но вот заминка: продукты, количество которых никогда не было проблемой в прежние годы, подорожали так, что наполнить ими чудо агрегат не представляется возможным. Думаю вообще обходиться без хайтека, с колес, из магазина поедать купленное, сдерживая аппетиты, а то до следующей пенсии не дотянешь. Экономия на электроэнергии может получиться, если холодильник не гонять, к тому же, пустой.

Каким бы я ни был компом, во мне живут фрагменты прежних жизней. Я был когда-то патефоном в красном дерматиновом чемоданчике, мне вставляли в бок никелированную рукоятку и заводили пружину, экономя электрическую энергию, тем более что в ту пору мало кто понимал, что это такое. Зато хорошо знали керосин, покупали бидонами.

Звук у патефона механический. В специальный зажим вставлялись стальные иголки, и каждой предстояло пробежать сотни метров, чтобы с черного хрупкого шеллачного диска извлеклась музыка в тональности консервной банки. Как то вместо стальной довелось ради эксперимента вставить иглу сосновую. Звук был мягкий, тягучий и негромкий.

Однажды попала в руки толстая лаковая открытка – прочная и звенящая. А что если попробовать приспособить ее в качестве звукоснимателя? Снятая с пластинки мелодия напомнила снятое молоко. Потом и электричество освоили. В радиоле – следующий этап восхождения технологии, была крупинка корунда и, казалось, вот-вот игла станет алмазной, а луч света, убедились в 90-е, оказался тверже алмаза: это лазер. Давно уже он никого не удивляет. Лучом лазерной указки неизвестные лица ослепляют на подлете пилотов, и откуда, только у нас террористы берутся? Хорошо, что уже изобретены очки против таких указок. Лазерным лучом лечу суставы и глаза.

Серпом по молоту. НАДПИСЬ НА ПОЛЯХ. Продолжаю наблюдения за последствиями летнего снегопада. 11 мая сквозь мощный слой облаков солнце видно как луна. Глянул, и в первую секунду, еще бездумно, показалось, что на дворе не день Божий, а ясная лунная ночь. И ведь порадовался, что луна не ущербная, полная. Неужто, солнышко может быть половинкой или вообще серпиком? Ну, разве что затмение. Затмение мы как-то наблюдали с коллективом, я коптил стекла, и дамы недоумевали, зачем я это делаю. Люся, – ее потом по неосторожности муж убил, Эвелина, жертва канцера, брезгливо глядели в копченые стеклышки, а потом наперебой угощали копченой колбасой. Мы и в землетрясение с ними попадали. А вот коллективного зимнего дождя не припомню.

Я полюбил…

Черным по белому. Вернее, белым по черному – поземка в мае.
Белым по зелени травы, бывает и такое.

Скоро белые ночи. Мистический праздник эвенов.

Уже включили в городе фонтаны. В сквере 60-летия в три горла шуруют. И возле универсама вода сочится по штырю. Есть у нас фонтаны забахсачараенные. Пока что в одном лишь универмаге «Восход» фонтан под крышей. Круглогодичного действия. И ветерок тоже крышуют, и стенают стенами. У нас многие называют слабый уличный ветер сквозняком.

А во Франции, судя по современному фильму, избавляются от фонтанов, сажают в их чашах цветы. Меньше будут бросать монетки, меньше возвращаться в столицу Франции, а то понаехало. В Магадане тоже закрыли один или два фонтана, насадили цветы, голуби их обожают, что-то ищут в цветочках, заодно удобряют отборным пометом. От себя отрывают.

Цветочки и меня поражают своей экзотичностью. Например, астры, словно облитые фиолетовыми жгучими чернилами в детстве. Каждый охотник желает знать, где сидит фазан. – Фиолетовый цвет в считалочке про радугу. Фазан.

Фазанов у нас нет, но есть фазанка – училище, так его розвали подростки. В фазанке можно получить профессию и зарабатывать фиолетовые деньги.

А чем синий плох? Синильная кислота. Красный? Красная ртуть.

Где цветы насажены, самые резвые были фонтаны – открытые в год 60-летия города. С пяти метров могли окатить прохожих, особенно при порывах ветра. Чемпионы Формулы-1 вот так разбрызгивают премиальную бутылку шампанского на своих болельщиков. Раньше я возмущался такой тратой, нечаянно брызнул шампанским на костюм, еле отчистил. Потом узнал, что шампанское для автогонщиков – это бутафория. Три фонтанчика в центре похожи на биде. Но не все знают про это устройство гигиены. Только извращенцы наподобие меня, тихо посмеиваются уголками рта. В школе, где внук пойдет в 3-й класс, установили питьевой фонтанчик. Так-то! В центре мы пребываем возле фонтанчика, где встречаемся с резвой трясогузкой. Фонтан там с наклоном, как Пизанская башня.

Фонтанов в городе прибавилось. Ни один не хочется обидеть. Этому монету, этому дай. Мелочь кончилась. Нащупываю в кармане что-то металлическое. Подкова от моего ботинка. Она у меня оторвалась из-за высокой абразивности наших дорог. Как по наждаку ходим. Оторвал, бросил в карман. При случае найти сапожника. Подкова на счастье. Пусть, не лошадиная, все равно капелька счастья. Туристы в городе бывают изредка, и так заразительно кормят фонтаны, так они хотят вернуться в мой Магадан! Я их понимаю. Я тоже хочу вернуться и безвылазно прожил тут почти 45 лет. Ладно, может это надо? Взял свою подковку, бросил в фонтан.

В тот день внук обнаружил в кроссовке посторонние вещи. Думал, камушек попал, а это монета. Даже три. И они так похожи на те, что я планировал бросить в фонтан. улыбаемся вместе такому совпадению.

Гора снега на месте снесенного барака в нашем дворе тает, усохла в размерах. Вода сочится по наклонному асфальту ничтожно тонким слоем, и от нее даже веет прохладой – конечно же, утром, когда термометр на 13-ти тепла. Если накрапывает дождь, то с испариной. Весь город будто обливается потом.

Днем плюс шесть. Такой бы ледяной фонтанчик из обледенелого сугроба на настоящую жару. Но в городе вряд ли получится. А на сопке горные ледяные ручьи так заморозят тебе зубы, что новокаин отдыхает.

Фонтаны в городе включили: будто китов приманивают.

Вот и лежачие полицейские очнулись от зимней спячки. Оборотни в погонных метрах. Как примета весны. Не бей лежачего. И ведь что характерно, с самого начала их никто не называл лежачими милиционерами.

Возле строящегося Центра бизнеса установлено (уложено) два лежачих полицейских. Почему до сих пор нет сидячих полицейских, а? И третий гаджет – обычная пробоина в асфальте, где, если не притормозишь, можешь лишиться колеса: путем отрыва от оси.

И уж совсем на диво – лежачие полицейские для пешеходов. Никто их не сооружал, сами появились на потребу дня. От дыхания земли. Идешь, идешь, наступишь, и нога по колено в ямке. Это на тротуаре у автовокзала. И сам легко превращаешься в лежачего – не полицейского, а пешехода.

Помню, удивлялся, когда было решено милицию преобразовать в полицию. Понять движение высшей мысли трудно. Может, менты уж больно падки на сантименты, а полиция работает с лицами.

Коль уж включил мыслительный аппарат, можно и другие вопросы порешать. Вот, например, есть ли в Магадане клюква? Есть, не о том разговор. Хотелось бы продолжить дело Мичурина и вырастить на примагаданском болоте не просто ягоду, а именно развесистую клюкву, как в прикольной литературе. Чтобы она ква-ква, когда ты клю-клю. Чтобы квакала, когда клюкаешь. А то есть у нас лягушечки, но мелкие и на самом юге области, считай, где север Хабаровского края. Нас и клюквой Господь не обидел. Но собирать мне ее до сих пор не удается. Я покупал в ее в гастрономе. Ягоду с Кольского полуострова.

Сколько раз мы пытались начать жизнь сначала, позабыв неудачи и обиды. Есть, с кого брать пример. Деревья начинают с чистого листа. Из почек выходят – яркого цвета, пахнут кремом для бритья. Воздух дышит пробуждением. Волосы с проседью называют «перец с солью». В городе в эти дни похожая ситуация на газонах – прошлогодняя солома, серая, золотистая, красиво сочетается с точками новой, этого года рождения, зеленью травы. Еще вот-вот, и новая трава пробьется выше, и газончики станут умилительно зеленые. После уборки зеленхозовцами остались еще не вывезенные кучи веток. Сквер постригся, помолодел. Похоже, и мне пора постричь бороду, а голову сделать похожей на бильярдный шар.

В растительном мире много всего, хоть всю жизнь изучай. Вот, казалось бы, иван-чай. Что тут мудреного? Заваривай, пей от нервов. Но не так-то просто. Есть, оказывается, узколистый, а есть широколистый. Разница во внешнем обличии заметная. О существовании широколистого я и не подозревал до недавнего времени. Хорошо, что есть в Магадане ботаники и я с ними знаком.

Рододендрон – древнее реликтовое растение. Первое, на чем остановилось мое внимание после переезда на Север. Прям как первая любовь. И оказалась, их, рододендронов, несколько: мелколистный, камчатский, оба сиреневые, в отличие того, первого, желтого. Есть рододендрон Редовского. Похож по цвету на сирень.

Прострел, который ошибочно называют подснежником. Такой красивый, нежный, что вспоминается бабушкино слово «касатики». Этот прострел – как большой колокольчик – аянский, описан в середине позапрошлого века. А есть прострел даурский, похожий на растрепанную русую детскую головушку. Думаю, такой цветок мог бы заинтересовать котенка. (Однажды побрился, а возле губ остался длинный волос, и маленький серый котик в моем сне играл этим волосом, пока не стало смешно от щекотки).Много лет назад я узнал о существовании пушицы. Теперь начинаешь сомневаться, не путал ли ее с прострелом.

На Колыме 1500 видов сосудистых растений, – поражает воображение давняя моя знакомая Анна, ботаник, доктор биологических наук. У нее муж – тоже доктор наук, ботаник. На пару лечат доктора растительный мир. Это главная миссия окружающего мира: он тяжело ранен. Недаром главное учреждение науки называется РАН.

Анна Наумовна подарила мне на юбилей набор открыток о колымском растительном мире. Есть, на что посмотреть. Раньше она выпустила в соавторстве книгу о лекарственных растениях, читал ее и с удивлением убеждался, что все северные травы и кустарники, деревья наделены врачующей силой. Наша тайга и тундра – курорт без конца и края. Аптека.

«На День победы всегда пробиваются укутанные в пушистые „одежки“ пронзительно-синие на фоне не проснувшейся от зимней спячки природы цветы прострела, или сон-травы многонадрезной и по-свадебному нарядные кремово-белые соцветия хохлатки магаданской. Наперегонки зацветают фиалки, рододендроны, словно белые облака покрывают нюклинские скалы зацветающие дернины крупки уссурийской, незабудки бросают вызов красоте неба своей голубизной, купавки и ветреницы вдыхают в жизнь в унылое до их появления царство тундр, ручьи принаряжаются розовыми примулами. На щебнистых склонах царствует дицентра».

Женщины – как цветы, цветут, и вдруг опадают их лепестки. Но за фиалками подмаргивают все новые и новые анютины глазки.

Там, за поворотом, лето, да я с досадой пролистываю его, вплоть до первого снега.

В Магадане первый снег выпадает непосредственно за последним, нынче он был 16 мая, а потом 24-го, три раза принимался за свое, да лег, разлегся и лежит себе третьи сутки. Майский снег доставляет эстетическое удовольствие. Вон он, шурша, с крыши скатился, мокрый. Смешной, как мокрый котенок.

Может, для того и лег, чтобы подснежники на бис распустились!

Особые приметы

Таблетка для сна, пусть это будет плацебо!
Без побочного действия и привыкания!

Лето, пусть и формально, наступило. Хотя и продолжается отопительный сезон. Для меня лучше не придумаешь. В первый день не знаешь, где спасаться от жары, зашкаливающей за 19 градусов, прямо-таки шакалящей, убивающей мысли в зародыше. А потом батареи убавляют, еле теплятся. Не жарко, и нет летней сырости в воздухе. Ступни остаются холодными, и это условие для успешной генерации художественных идей. В полосе перегрева мысли испепеляются в плотных слоях интеллектуального поля. Только что слышал, как нейтрализовались массовые выступление в стране, где в принципе не бывает зимы. Мол, мы разрешили в самом крайнем случае открывать огонь, но по ногам. И в процессе разгона появились раненые в голову.

Есть у времен года в нашей квартире особая примета – по тому, насколько плотно закрываются двери комнат, можно понять, апрель во дворе или январь. Летом, когда высокая влажность, двери разбухают и закрываются плотно, а в отопительный сезон высыхают и требуют уплотнения. Для этой цели подходит свернутая в несколько раз газета или книжечка начинающего поэта, умиляющая своей миниатюрностью.

После многократного зажима плотным, не чета современным, дверным полотном, сборник обретает благородную помятость и вид зачитанности до дыр. А накатит пора раскрыть его по линии потертости, да прочесть, пусть, по диагонали, мороз по коже, тоже по диагонали, пробежит!

Снова белка в колесе,
соболек на ободе.
Будьте счастливы вы все,
пропадите пропадом!
Свинка в море уплыла,
стало быть, морская.
Я обидел, не со зла.
Эх, слеза мужская!
Ни кола и не двора,
на колу мочало.
Где бодяга, где мура,
ты не различала.
За окном мороз крепчал,
флаги колыхались.
А мы с кисонькой вдвоем
нежно целовались.

Что это я все о зиме? Бывает же у нас лето: два-три дня стоит в городе жара, аж до 22 градусов доходит. Воробушки на базаре распевают, а в сквере у мэрии прям художественный свист. Возможно, соловей красношейка.

Женщины на пыль жалуются: оседает на кожу, абразивная, въедается, и приходится умываться. Да и сам чихаешь и кашляешь, особенно по утрам. Пока не родились комарики, можно форточки открывать. Но пыль в квартиру проникает. Да что пыль? А пылесос на что?

За годы жизни в Магадане число перебывавших в семье пылесосов к десятку приближается. Загнанные пылесосы пристреливают, не так ли?

Наибольшее впечатление произвел в начале списка «Тайфун». Скорость двигателя такая, что о сверхзвуковом самолете думается. Один за другим перебывало четыре экземпляра. Плешь себе переел этим «Тайфуном». Шумит он красиво, что-то всасывает, но такое ощущение, что тут же вышвыривает с огромным энтузиазмом. Рад бы задержать и уничтожить всю пыль, напрессовать из нее кирпичей, но техника не достигла грани фантастики.

После перестройки моющие пылесосы появились. Тяжеленные и дорогущие. Зачарованно смотрел, как Гавриловна уничтожает пыль в конторе. Но как бы она ее ни уничтожала, назавтра начинала снова, да ладом.

Однажды знойным летом взял я полученные после полугодовой задержки деньги и двинул в новый просторный магазин. Чуть ли не на ощупь. Что-то творилось с глазами. Только что закончил лечение правого, рассосалось темное пятно, закрывавшее горизонт, и то же самое началось в левом глазу. А до этого наблюдалось простое понижение настроения. Противоестественное в теплую пору. Казалось бы, солнышко светит, теплынь, трава, чарующе пахнет, иду по улице – не в пальто, не в куртке, в рубашке, радуюсь, а кошки на душе скребут.

Иногда настроение можно улучшить путем посещения магазина с новой техникой, какую до этого и в глаза-то не видывал. Уж я вдоль поперек торговое предприятие облазил, все полки носом пропахал. Эх, глаза запасные никто не придумал! Нашел пылесос с водяным фильтром. Все как в прежних, но ни матерчатого, ни тканого пылесборника, а весь воздушный поток проходит через воду, почти литр заливаешь в контейнер. И там пыль застревает. Много-много волос и черная жидкая грязь образуется. А бывает густая, как творог. Ее надо тщательно вымывать, опять заливать водичку и чистить воздух через воду в следующей комнате. Впечатление шоковое. А ведь люди через воду дурь курят. Кальян. (Почти как мужское имя Колян) Может, им пылесос этот приспособить? Ну, да ладно, об этом потом.

Впечатление, спрашиваете? Весь я в шоке и шоколаде. Считай, по гамбургскому счету, всю жизнь прожил без пылесоса, только теперь только обрел. То, что было – плацебо. Пустышка. То же самое про холодильник надо сказать. Не было холодильника, а была каторга – то и дело его размораживать, лед вытаскивать по два ведра за раз. Один выходной полностью тратишь на разморозку, второй на стирку, поскольку стиральная машина – одно название. Братцы, да я и не жил вовсе. Так получается.

Я нес пылесос из магазина не спеша, он оказался тяжелее, чем думалось поначалу. И ни сном, ни духом не знал, что нельзя напрягаться и тужиться, чтобы не усугубить кровоизлияние в стекловидное тело глаза. Вот где ужас: идешь и слепнешь! Кровь из глаза выдавливается в глаз. И это ощущается!

Мне велели закапывать другие, жгучие, капли, вызывавшие слезы. Не сразу, но получше стало. Эффект новой техники на первых порах был смазан.

Однажды я понял, что год за годом мечтал найти заступу в жизни. Старшего брата или отца. Братик был, но умер ребенком, до моего рождения. Инфекционная болезнь. Недаром мать со мной нянчилась. Осознал, что невозможно, но все равно искал защитника. Мой дом – моя крепость – и такой принцип вполне бы подошел. Пусть бы бронетранспортер оказался в моем личном пользовании, только соответствующим образом оформленный в ГАИ. Убавляю притязания – бытовая техника – тоже неплохо: пылесос, холодильник, телевизор, который отвечает за свой базар. Я уж не говорю о компе – товарище и друге, на которого можно положиться. Ну, не мордой в клавиатуру, разумеется.

Побочный эффект

От удара автомобиля четверо пожилых пешеходов скончалось на месте и еще двое – в другом месте.
Сводка ГАИЦИИ

Очнулся я с болью в правом боку. Хорошо хоть, проснулся. Всю ночь кто-то ширял под ребра, вонзал перочинный ножик-складешок, такой был у меня в первом классе: настолько крохотный, что я боялся нечаянно взять его в рот для игры и проглотить. Примерно так, как цапля глотает, подкинув и ловя головой вперед пескарика. Цапля на моем пути не встречалась, а вот крохотных рыбок ловил в школьном пруду в поселке Калтан, учась в третьем классе. Две школы смотрели друг на друга, а между ними пруд зарыбленный мелкими гольянами. Упоительная рыбалка! Ювелирная.

Если поймать 30—35 пескариков, можно предъявить их маме, а уж она сжарит на сливочном масле, не чистя. Их можно есть прямо с головой и кишками, – объясняла мама. И привела в пример котенка Мурзика, который слопал три сырых пескарика с огромным удовольствием и тер свои усы и зажмуренные глаза намусленной лапкой.

В Магадане нет пруда, где бы можно было ловить на удочку с тонкой леской и поплавком-перышком. Да и рыба здесь другая. Вдруг нахожу в кармане радикулитную мазь и принимаюсь за самолечение. В ней основным компонентом является чайное дерево, универсальное в различных благодеяниях средство: и антисептик оно, и настроение поднимает, и кожу чистит. Нащупываю на черепе небольшие уплотнения, твердые, как микроскопические рожки. Обрабатываю маслом чайного дерева – раз, другой, третий. Через день сковыриваю ногтем и воображаю, что у меня что-то еще очищается за компанию. То есть какими-то подкожными путями, подкожными тоннелями, подкожным метро проходит препарат, как солдаты на парад, в другие части организма. И действие оказывает. Но рожки растут и бок болит. Значит, живой.

Чайное дерево да еще дерево гинкго вызывает у меня священный трепет. Гинкго – вообще реликт, и каждый экземпляр на учете. Дерево потрясающее. Усиливает мозговой потенциал и попутно восстанавливает глаза. Если с объективом сравнивать, увеличивает светосилу.

Можно подумать, что на родине гинкго, в Китае и Японии, где, кстати, впервые замечены потрясающие лечебные свойства этого растения, живут исключительно умные люди. Мы, жители холодных краев, в первую очередь ищем, как поглупеть, балду забить. Но и препараты из гинкго тоже раскупаем. Есть нужда в просветлении разума и укрощении склероза. Некоторые находят прикольным улучшение памяти.

Не уверен, есть ли в наших арктических краях растения, усиливающие мозговой потенциал, это пресловутое А-Кью. В Таганроге и Ужгороде несколько экземпляров гинкго, но это же – капля в море. Не в деньгах счастье, а от ума – горе, давно замечено. Ну, взяли, насадили целебную рощу – разве трудно?

Может, чукчи уже что-то нашли, да помалкивают. Лишь в шаманский бубен постукивают, да горловым пением слух услаждают. Если бок болит, эвены мажут медвежьим жиром. Но с медведиками возни много, а с чайным деревом проще. Растет в теплых краях, достигает 4-х метров высоты. И, поскольку болит бок, можно использовать побочный эффект.

Если был бы жив Мичурин, стоило бы заинтересовать селекционера проблемой скрещивания чайного дерева с гинкго, двух таких чрезвычайно полезных для здоровья человека растений. А сбоку еще бы ветку эвкалипта привить. И все это гибрид-ангидридное дерево акклиматизировать на Колыме. Придать полегаемость при помощи кедрового стла-

ника. Кстати, буду сегодня перед сном на кровной кровати делать ноги – нет, не удаляться с поспешностью, достойной опасного места, а умащивать ступни абрикосовым маслом с каплей чайного дерева. Картина маслом.

Чукчи о чайном дереве предпочитают не высказываться. У них другие приоритеты. Грибочки, грибочки! Что мы знаем о них? Да, мухоморы. О них тебе расскажут (или уже не расскажут) потомки шамана. Как в шахматной игре, жертвуя фигуру, жители села Мухоморное обретают качество. Пусть меньше разума, но он пронзителен. Он – луч лазера. Звук бубна. Нож в бок, фрекен Бок. Добыча радия для радикулита.

И что характерно: мажу бок, и через пару часов отваливаются уплотнения на коже головы, которые я образно назвал рожками. Наступает небывалая ясность, но я сильно опасаюсь за А-Кью. Кстати, я это слово впервые слышал много лет назад, в книге Лу-Синя есть такой персонаж.

А рядом со мной просыпается бывший уголовник, автор эвфемизма «Еха иху эхо мать», кандидат рукоприкладных наук. Весь в татуировках, голограммах и художественных шрамах. С изящно ампутированной первой третью фаланги безымянного пальца левой руки. Можно понять, рассказывает о своей Марине. Называет ее ласково марухой.

Она мне ноги целовала, как шальная, – поет. И делает важное, можно сказать, эпохальное признание: мол, его маруха ему пальцы ног сосала с жадностью младенца, а на пальцах грибок пышным цветом рос и колосился. Это вам не мухоморы и даже не чайное дерево. Это ЕКЛМН!

Ольга Ивановна тоже очнулась и призналась с грустью, что заимела ребенка от фоторобота. Антип звать, тот же ежик, только наоборот. У обычного ежа иголки наружу торчат. У этого – внутрь, да к каждой иголке шприц с дурью. Все ежится Антип. Вот так тип! Вкалывает! Сам себе. Тип. Нет, Антип.

Раньше ей говорили: «Гражданочка, пройдемте». А теперь женщина может и не быть в статусе гражданки. Оформляет, оформляет она гражданство. Гастарбайтер. Поэтом можешь ты не быть. И гражданином тоже. Прилетела, незнамо откуда. Муж на руках носит, а любовник на щупальцах. Да и сама не промах – мастер спорта по стрельбе по летающим тарелочкам и ходьбе налево.

А очнулись мы в домике, наполненном чучелами животных. Он и сам похож на мумию. Музей. Законсервировали по всем правилам. Лет тридцать простоял, теперь разбирать решено и сносить. А тут мы – вылитые экспонаты, с запахом формалина. Вручную будут разбирать, чтобы окружающие деревья не повредить. Значит, и нас тоже. По косточкам переберут. Посаженные в давние годы, тополя и березы разрослись, вылитыми посаженными отцами стали.

Но это еще не скоро случится. Мы еще побудем. А потом через терминалы войдем в анналы. Может, на второй круг закружили. При соответствующем раскладе, разумеется. Если не будут ставить палки в колеса. А то за большие деньги дядька покупает колеса и ставит в них палки, а сам навостряет лыжи. Комон, комон, токсикоман!

Снова утро, снова очнулся. Бок не болит. Как рукой сняло. Я теперь продвинутый Андо, избранный сборник из пылесоса, стиралки, фотокамеры и компа. Как всегда, затея хоть и удалась, но накрылась медным тазом, точно каской. Они ищут меня. С молотком. Молоток большой, как половинка кирпича, но резиновый. Таким таджики выравнивают дорожные плитки при строительстве тротуара. Резиновый молоток – не то, что стальной. Нежный. Примерно как резиновая пуля-дура. Да если руками голову прикрыть, и вовсе пустяк. Глаза пластырем заклеить, чтобы не лопнули.

Птук! Легкий долгожданный удар по затылку. Бесконтактный, между прочим, и смягченный медным тазом, похожим на каску.

Бдупт! – отдалось изнутри.

– Продано!

Аукцион, стало быть. За сколько меня? Не за понюх табаку, надеюсь?

Запись на полях. А ПЕРЕД ЭТИМ ВЕЩИЙ СОН БЫЛ

Будто бы живу в большой, в ночное время кажущейся незнакомой квартире. Дело к полуночи, а хочется по-малому. Иду от выключателя к выключателю. Довольно долго уже иду. С поворотами.

И вот я на кухне, раковина, плита, холодильник. Сидит там, на табурете слабознакомая женщина с вздернутым носиком. Сильно вздернутым, словно это вздернутый на виселице особо опасный преступник. И под влиянием этого образа начинаю с женщиной как-то неправильно, банально флиртовать. Рассказываю безо всякой задней мысли, что приснился писатель Гена Ненашев. Будто бы взял он молоток, с которым делал табуретки и мастерил гробы, по первой профессии, будучи столяром. И вот во мраке раздался незнакомый звук неопознанного бытового прибора, но какого именно, слету установить было невозможно. То ли холодильник, то ли, что менее вероятно, стиралка. И в этот же момент другой квартиросъемщик, тоже писатель, по фамилии Нашев, тоже с молотком, но уже сапожным, вышел на тот же звук.

В квартире мрак, темнота, а они спросонок, не разобравшись в ситуации, напали друг на друга и стали молотками друг друга по башке бах! Охаживать.

Хорошо еще, понарошку, все это столпотворение и коловращение им приснилось, одновременно привиделось в тяжелом сне. Синхронно, как говорится. И это хорошо, что приснилось, а то несдобровать бы им обоим.

Между тем столкновение не прекращается: бьют, бьют молотком о молоток, головы звенят колокольно. Постепенно писатели узнали друг друга, Нашев и Ненашев. Стали радоваться, танцевать. Композитор Арам Ильич Хачатурян, русский композитор из армян, написал танец с саблями, который был люб и дорог мастерам художественного слова. Вот и закружили нечто похожее. Танец с молотками потом так этот экспромт назвали музыковеды.

Пока суд да дело, курносая красавица, посчитавшая, что оказалось на периферии внимания, так и повесила нос. Он у нее даже покраснел. Да и две их оказалось, барышень. Факт, конечно, нуждается в медленном осмыслении. Да не тут-то было. С десяток их набежало – курносых. Каблучками как-то особо стучат: клон-клон-клон. Как десять капель валерианки друг на друга похожи. Стали они к Нашеву и Ненашеву на шею виснуть. В губы, в шею, в лоб, в руки норовят поцеловать. А кто-то и в ноги упал: к стопам приложиться.

Ай ты, Генка, опоссума сын! Вроде бы не столь уж приятно их внимание. Столяр ты, чертов, столько людей зарыто в твоих гробах! Мол, фанатки, что с них возьмешь. Они и в Африке фанатки, рассупонили манатки.

И стали они Нашего и Ненашева тискать. Вроде бы и ласково, и нежно, да уж больно много их, лапушек и заек. Тискают и щиплют.

Увещевали их Нашев и Ненашев. Прям, беда. Наглость – двенадцатое счастье. Тут уж одно из двух – или жизнь, или смерть от любви. А молоток как держали, так и держат. Да они бы и от серпа не отказались и вроде как оба стали бронзой покрываться. Совсем забронзовели. Глубоко в них пошло – бронзовение. И кости, и сухожилия. И кожа бронзовая, благодаря бронзе тело особой тяжестью налилось. Бронзовый Нашев для повышения веса захотел посвятить себя монументальному оформлению города. Нашев чугуном налился, неподъемный. И вот входят мужики в спецовках, пропитанных маслом, которое из головы. Бензорезами в считанные минуты бронзового Ненашева разделали, металл в Корею продали. Чугунного Нашева разделывать не стали. Он и так востребованным оказался. Памятником самому себе встал в центре на солидный фундамент. Молотком в лоб стукни – звенит. Потом автор этих строк проснулся и обнаружил, что курносые женщины исчезли, Нашев и Ненашев тоже.

Другой бы рассказал, я бы не поверил, а тут превращение на моих глазах произошло. А вот дошел ли я до цели ночного путешествия, я так и не понял. Может, и дошел.

И тут над Красноярском столкнулись в воздухе наш и американский самолеты. Ну, наш-то понятно, а каким ветром занесло американский? Запросто могли сбить на подлете. Но уж больно хотелось узнать пентагоновцам, что это за центр управления климатом русские построили, да потом легко, не заморачиваясь, снесли, как бы пойдя на уступки стратегическому противнику. Подчинившись требованиям американцев. А на Аляске все осталось. И новые кухни погоды появились. Что бы это значило? Да я знаю, что ли? Теперь их кухарки климатом правят.

Нет грома без молнии. Стало быть, знаешь, – голос у меня в голове. – Слишком много знаешь. И жена твоя два раза на Аляску летала, и сын там вдоволь погостил. И сам в Красноярске бывал.

Там Ленин был в ссылке. Вот-вот, все понимаешь. И нечего шлангом прикидываться. Тихо! Как в четыре утра на улице Ленина в Магадане. И вдруг истошный крик. В этот миг в родильном доме появился на свет и сделал первый вздох человек, пока что безымянный, и вся будущая жизнь пробежала перед глазами младенца, до самого его последнего вздоха в конце XXI века.

И он заплакал, да так горько, так не по-детски! Мороз по коже.

Это был я.

Оказался я живой.

Пусть и с замедлением, сработал антивирус.

Удар молотком

И что надыбал ты на дыбе той?

Я получил удар по кумполу молотком для дорожных работ. Резиновый молоток – как резиновая пуля. Ударили, будто лампочку разбили. Она погасла, но перед тем ярко вспыхнула на мгновение, высветив необычно теплое лето конца прошлого века. Должна же быть компенсация за зимний дождь. Не в смысле денег и благ, а в смысле механики, в том числе и небесной – ком-пен-сация механических усилий. Лето, когда я был хоть и не молодой уже, но достаточно беззаботный. Конечно, говорю это не без натяжки смысла. Не предполагал я, что реальных забот и проблем, смысла смерти я еще не ведаю. Машина «Жигуль» восьмой модели была на ходу, и сам я на ходу был, легок на ногу. Работал много, нормально платили, пусть и с задержками. Совсем небольшими, по с равнению с дальнейшими временами. Ездил в отпуск на материк. Пил вино и смотрел телевизор. Сопереживал ему, сочувствовал ведущим. Не ломал голову, где взять деньги. Как поется в одесской песне, «их есть у меня».

Чтобы понять старость, не стоит вытаскивать для сравнения молодые годы. Да и молодые надо, но предпенсионное десятилетие важно. Как средняя зарплата для начисления отпускных. Может, оно и останется в памяти в последний миг, вспыхнет перед тем, как рухнуть носом в огородную землю, щедро сдобренную фекалийными солями. Собственно говоря, этот миг я сейчас переживаю, просто растянул его лупой времени, иначе говоря, ускоренной съемкой, теперь ведь можно и полет пули заснять и рассматривать часами.

Вспышка! Сколько она может тянуться? Время не резиновое. В секунду все случилось. Получил резиновым молотком по живой голове. Мозг умирает и в момент угасания пожирает собственный разум. Разве непонятно? Разве станет понятней? Сейчас я усну, но перед этим мне покажут кино про меня. Собственно уже кажут. В формате 3Д.

Собственный мозг, умирающий от гипоксии – лучший режиссер и оператор. Забавно как – живешь, дурак дураком, а в последний миг все откроется, озарится. Важно проснуться перед вечным сном, чтобы на все сто процентов, расправить плечи, распушить ноздри, разогнуть спину. Прикоснуться к военно-врачебной тайне. Конечно, ты ее не выдашь: нет такой возможности. Нет и нужды. Кому надо, само откроется. Никто еще оттуда не возвращался. Якобы. Есть, наверное, и возвращенцы. Вон один из клинической смерти вышел, его жена отравила. Уже сколько лет не может спать и не стареет. Лет двадцать. Что-то он оттуда принес. Но не распространяется. Будто давал подписку на оборонном заводе. Кровью писал на пергаменте, выделанном из собственной кожи. Я знаю, что это такое. 45 лет прошло, а ни одного секрета никому не выдал. Ни матери, ни жене. Ни сыну и внуку. Собственно, они ни о чем и не спрашивали. Им это не интересно. Раскроешь рот, они тут же заткнут.

Да кому ты нужен, кому нужна твоя жизнь – с секретами, не стоящими выеденного яйца, с тайнами, которые сейчас секретны, а по прошествии лет, знает каждая собака?

За Арманью

Крышу сорвало
С Пизанской башни. Опять нас, пейзан,
разводят на башли.

Начало июля 1998 года, в Магадане отключена горячая вода, и больше всего на свете хочется купить склянку с солью для душистых лечебных ванн, дабы искупаться в ароматном рассоле, смыть соленый полпот.

Соль «с пеной» для ванн. А мне видится пена у рта. Во – какая экзотика!

Надпись на полях. Август 2011 года. Воды в квартире нет – ни горячей, ни холодной. Пожарные машины за окном. Возгорания, по счастью, не видно. Пора ранняя для загара. Может, это все – учеба личного состава МЧС?

Москва поспешила передать: в Магадане, мол +20, хотя набралось лишь 13. Конец июня – это еще не лето. Но июль, хочешь, нет, надо признать жарой. Хотя бы в полутяжелом весе. Когда есть машина, можно отвлечься от чистоты тела и в выходные выезжать на море в сторону Армани, жечь костер из плавника: жаркий, как из антрацита. Море раскатисто шумит, звук бильярдно прокатывается по гальке и щекотно отдается в позвоночнике.

Соленое слово проносится над солеными просторами.

Сладко-горькое чувство, после кислого. Рот в безвкусной слюне. От полноты жизни едва не лопаются глаза. Обманчивое ощущение, что совершил заплыв. Есть на пути в Армань Соленое озеро. Как-то там из моря вода просачивается сквозь песок и нагревается. Прям курортной температуры вода. Можно купаться, а загар изначально красивее, чем в Сочи. А чуть дальше от берега в этом месте сильное течение. Вроде и шторма нет, а гибнут люди, несет их море, не выгрести. Что ни год, новые жертвы.

Едем дальше, минуя лицензионный участок – чистый и живописный. Главное – услада глаз, чтобы волны-волны качали-качали, когда вернешься на третий этаж и нырнешь в постельку. Кто-то рядом готовит шашлык на ребрышках, и от этого у меня в ребрах теснение и щекотка. Кто-то с телевидения говорит, голос знакомый до сердечного стона. Просто не верится, что этим голосом можно произносить бытовые фразы, совсем как старшему экономисту или уборщице. Как-то все это глупо. От смущения не знаешь, куда спрятать взгляд. Разве что вытянуть вдаль моря. Вдруг понимаешь, какие бывают несчастные люди – фанаты артистов, футболистов и общественных деятелей: а местная телеведущая в маленьком городе – как член семьи. Это она, боже ж мой, ОНА! Телезвезда магаданского серого неба. Пасмурные дни этой поры темней, чем белые ночи. Выходишь поутру из дома: пахнет травой и, похоже, что ты в отпуске на юге. Там тоже прохладно поутру, но быстро нагревается до температуры сковородки для поджаривания гренок. Но море – как Черное, так и Охотское пахнет одинаково поутру. Но не паникуй, включи воображение. Оно не подведет.

Только говорящая голова местного канала может 22 декабря, в самый короткий день в году, сказануть: мол, сегодня день сровнялся с ночью по длительности. Сморозившая эту милую нелепость – молодая особа, называющая себя журналисткой, с жиденькими волосиками, кривеньким ротиком, показываясь ежевечерне, читала механическим голоском глупейшие объявления, не поднимая от бумажных листков своих блеклых маловыразительных щелочек-глаз.

Спустя год сияние, невидимое без специальных приборов, появилось вокруг реденьких волосиков ее скромной прически. Повторяешь слово в слово ее милые глупости, и восторг, перемешанный со стыдом, густо заливает с головы до ног. Будто бы подсматриваешь в замочную скважину. Несколько вечеров неотрывно смотришь этот канал, вожделенно представ-

ляя, как выглядит ОНА после полуночи, теплая и пушистая, похожая на булку свежевыпеченного хлеба, заждавшуюся острого ножа.

С какой стати клубится этот интерес, совершенно непонятный? Глядишь, как баран на новые ворота, за которыми старый мир. А то вдруг ловишь себя на теплоте к некладушке, словно она твоя сестренка, а ты хочешь спасти ее от чеканутого Чикатило, с мрачной шутливостью прозванного поклонниками черного юмора Корчагиным наших дней.

Потом внезапно все гаснет, будто выдернули шнур из розетки. Тянет на гнилую философию и забродившую социологию. Воображение ерзает в сторону собственного отсутствия. А ЕЕ за особую телегеничность уже взяли в Москву. Но есть другая – настоящая куколка, с детским, не по годам, лицом и чарующим серебреным колокольчиком речи. Начинает, как и в первом случае, с чтения так называемых коммерческих объявлений. Окутанная тайной, волнует и обещает она какие-то особые кукольные ощущения, если посетишь магазин «Эйфория». Прислушайся к названию, и ощути, о чем лай. Невозможно противопоставить доводы разума этому зову из глубины девичьей непостижимости.

Идешь по указанному адресу, и что же? Предощущение улыбки смыто плавиковой кислотой. Даже не разочарование, а отчаяние охватывает при виде куколки вблизи, без посредничества оптики, передатчика, приемника, оператора, осветителя и невидимых хитростей.

ПРОЧЬ, САТАНА!

С тех пор, уже несколько лет – неразгаданная загадка куколки номер два. Хорошо хоть, жена не знает, кто вырвал мне сердце живьем! Или знает, да не придает значения, делает скидку на характер мужа, маленькие слабости мужчины. Нет, это не маленькая слабость, это тяжелая TV-наркозависимость.

Иной раз думается, если бы в какой-то миг вышел горбатый одноглазый певец с кривыми сабельными зубами, то и у него, благодаря телевидению, появилась бы толпа фанов, жаждущая прикоснуться к его горбу на счастье, когда он лепит горбатого, подобно Горбачеву. Да, именно так.

Отчего это происходит? Разгадки нет, но есть подсказки. Включаю как-то ящик, а телеведущие в честь какого-то своего юбилея друг у друга интервью берут. Ну, вылитые вампиры. Такая у них взаимная неземная любовь! Одна куколка признается другой, что когда зажигается красный глазок телекамеры и ее голова, оторванная от тела, начинает полет на просторах эфира, бедолажка впадает в коматозное состояние: ее распирает изнутри невесомость, пульс наполняется сверхвеществом. Она приобретает НЛО-летучесть. Но летать некогда, работать надо. Слова так и рвутся наружу, за ними не надо лезть в карман, лишь озвучить – то, что нашептывает суфлер из космоса. На что это похоже? Ни на что. Разве что на колдовство, подобное африканскому вуду. И такая с телеэкрана поперла хрень, что только держись. И давай красавицы раздеваться. Кофточки, сняли, блузки, лифчики. Увлеклись колдуньи. И этот позыв передался зрителю, тоже снимаю пижаму. Вот она где, подноготная! Стыдная ломота разлилась в теле.

Но жена вмешалась, нажала на пультик. Будто ушат воды вылила. А сегодня, на берегу не отказался бы от холодного душа. Думаю, она понимает мое состояние, только виду не подает. Бездна такта.

В юности я снимал девушек, не телекамерой, тогда времена были попроще, а фотоаппаратом с портретным объективом, чтобы потом любоваться в укромном месте, стремился понять, чем она, эта красотка, так достает. Вживую стеснялся пялиться.

Не скрою, любил поглазеть и на свое изображение, что-то выискивая в непечатном выражении своих маленьких кабаньих глаз. Впрочем, думается, нет ни одного человека, который бы не любил собственное изображение, будь он двойником гамадрила.

Медвежий край

– Смотри, журавли летят клином.
– Может, косяк забили?

С моря ветер – упругий, густой. Нерпы играют на волнах и на нервах, составляют пищевую конкуренцию рыбакам на лицензионном участке. Пойманная в сеть горбуша тут же лишается головы в нерпичьей гильотине. Ламинария горит в костре с ароматом лекарства. Найденный мертвым крабик не покраснел в пламени, а почернел, обуглился. Пахнет горелым хитином – вот какое оно, жертвокрабоприношение.

Ветер бросает под ноги обрывок газеты. Сообщение в печати, усиленное муссированием и муссонами. Новый начальник рыбной службы носом землю роет, задержал китайцев, занимающихся незаконным выловом минтая, но из-за льдов в Охотском море не смог провести арестованное судно в Магадан, отправился в Петропавловск- на- Камчатке, произвел там фурор.

Говорят, в Поднебесной с нарушителями не церемонятся, расстреливают на площади, и это коробит меня, как и смертная казнь за провоз наркотиков в некоторых странах Юго-Восточной Азии: за годы вселенского бардака мы уже отвыкли от строгостей и каких-либо наказаний за преступления.

Магаданский рыбнадзор, – отчитывается рыбный начальник, – из года в год задерживает одних и тех же браконьеров. В прошлом году у одного изъяли 60 килограмм икры, в этом 80. Без работы не оставят. У них, браконьеров, самые лучшие адвокаты, знают, как улизнуть в дырки законов. Как нерпы сквозь сети, уходят.

Тем временем, – узнаю все из той же газеты, – в Москве образовалось колымское землячество, с филиалом в Киеве. Бывшие северяне, в основном начальники, проживающие в столице как бы в ссылке, собираются у Большого театра, едят икру ложками, носят красные фирменные носки с гербом города и хором тоскуют по Магадану. Слезы льют интенсивно, как зрители индийских фильмов, томятся желанием отразиться в кривом зеркале, пройдя сквозь дырочку объектива. Нашлись спонсоры, оплачивают им и икру, и выпуск похожей на дембельский альбом газеты, чтобы рассказывать оставшимся в Магадане, какие уехавшие хорошие люди и как им вольготно жилось на Севере, да и сегодня им, в общем-то, неплохо, если бы не тоска по второй родине. Заслуженные ветераны, VIP-персоны вспоминают с теплотой и теснением в груди город юности.

Оставшиеся в Магадане этих воспоминаний не разделяют, едят икру как бы нехотя, без ностальгии. И почти без аппетита. Если честно, меня самого до самых печенок достают добавляемые в деликатесный продукт консерванты, ухудшающие аромат и вкус. Какая-то неприятная горечь. Предпочитаю икру-пятиминутку, приготовленную собственноручно, и чтобы соль без химического привкуса йода.

Однажды на одном из сайтов кто-то назвал Магадан так: «медвежий край». Мой сын очень обиделся, хотя медведей у нас и впрямь столько, что заходят в городскую черту запросто. Зато местные телевизионщики именуют город столицей столицей Колымы. Это мания величия? Лечится электрическим током. Недаром строят на Колыме вторую ГЭС.

И птичка вылетает

Там, за каменной стеной, каменная спина.
Познакомился тут с одной, и решила, что мне жена.

Прямо к шашлычному костерку подъезжает судно на воздушной подушке, несущее на борту имя борца с браконьерами, погибшего от множественной язвы желудка, которая будто бы бывает от злоупотребления красной икрой и балыком. Причаливает. Мощно. Воздушная подушка – это вам не матрас. Но не денежная подушка, увы.

Выходят инспекторы и вездесущий фотограф с симпатичной молодой бабенкой. Сам рослый, как каланча, удобно в толпе снимать. Он чернявый, а она блондиночка, едва ему до соска достает. Жениться, что ли собрался, в очередной раз? Нет, – говорит, – пока так вопрос ребром не стоит. Вопрос? Это у Адама ребром.

Но история романтическая, бес в ребро, ангел в лопатку. Женщина пришла к знаменитости сняться на паспорт. А он ее так обаял, что согласилась стать персональной фотомоделью. Оголяться по первому требованию. Холодновато, конечно, на Севере в одном силиконе позировать, но ведь сама съемка сотую долю секунды длится. Это тебе не перед живописцем стелиться. Так и появилась мыльная фотосессия: нежная женская плоть на фоне серых несокрушимых скал.

Потом ее фотограф утащил к фермеру на подворье. (Ой, какое скользкое слово – от «ворье», что ли?). Параллельно тот пахарь-хермер по фамилии Безуголовный является радикальным мыслителем. Главное, – говорит, – совершить не открытие, а своевременное закрытие, – уголовного дела. Если слышишь: «Он удалился от дел», мысленно добавляй: «заведенных на него». Фермер норовит попотчевать фотомодель морковкой и молочком, практически не отлипает от нее: любопытно же, как фотограф будет снимать: какую птичку зарядит. И вообще как она будет сниматься. То есть, раздеваться, снимать с себя семь одежек. Увидеть обнаженную натуру в наше время – не диво, но волнует не конечный результат, а процесс. У агрария тоже была когда-то «Лейка», камера с цейсовской оптикой, да теперь осталась одна поливалка.

К животноводству фотомодель не имеет никакого отношения, корову подоить не сможет, но сумела сохранить в себе детскую любовь к животным. Мол, мы одного рода-племени. Вымени. Ей нравится, когда называют телкой.

Тираж газеты, где работает папарацци, поднялся. Что сегодня у него родится, какой ракурс? Обнаженная натура пока что не пресытила магаданцев.

Сегодня на море мэтр хочет свою кыску в группе с нерпами снять. У новой модели такие же большие влажные глаза, как у морских хищниц. Это надо видеть.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ проветрив мысли и провентилировав кровь, возвращаемся с любимой женой с побережья. Она, к счастью, не заметила присутствия телевизионщицы, и чувство невероятного облегчения захлестывает высокой зеленой волной. Люди одной профессии сливаются на фоне друг друга.

Мы с женой пропитались мельчайшими кристалликами соли и ощущаем ее на губах подобием поцелуя. Домой, в город, в туман. Все еще не высохла политая, почти без кочек, беспыльная дорога. Не терпится до нее добраться. Жена говорит: может, из Всемирного банка денежные тузы понаехали, потому наши дорожники так стараются. Наверное, чтобы понравиться и без помех кредиты для торговли окорочками взять. Я соглашаюсь с ее проницательной трактовкой, чтобы отвязалась, а потом выяснялось, что у ребят из дорожной компании такая работа – дорогу поливать. Такие они трудоголики старой закалки. Симпатяги.

Уничтожая последствия неумеренного загара, жена обрабатывает кожу одеколоном. Мой парфюм взяла – «О'жен»: все равно не пользуешься, мол, да и благоухает он не лучше тройного. И вдруг, словно из-под земли, гаишник. Милиция – как елка: зимой и летом одним цветом. Даже за городом расслабляться невозможно. Делаю непроницаемое лицо. Стало быть, от жены скрывайся, от инспектора. Кто еще на очереди? А гаишник не доверяет глазам, нюхает: мол, какой-то у вас в салоне запах специфический. Не употребляете? Как хорошо, что я не поддался искушению схохмить! Ответил скромно, как овца: «За рулем – никогда». Как-то давно я успел заметить, сами менты по причине телесного здоровья пахнут ментолом и мантами.

А запах – лосьон, чтобы не сгореть, натерлась. Включаю FM-радио, и тут же объявление, подходящее к случаю: «Нашедших рюкзак на сопке, 15-й километр Арманской трассы, просим вернуть за вознаграждение натурой».

С трудом подавляю желание остановить машину и поискать. Сколько ни работал над собой, внушаемость остается на максимуме. Никак не привьется разумный пофигизм.

Вообще-то место бойкое. В 2011 году напишут в газете: «Просьба ко всем часто бывающим на Арманском перевале: оставляйте еду в кормушке для собак между 23-м и 24-м километрами, с правой стороны.

Не могу удержаться, чтобы не процитировать трогательные объявления, свидетельствующие о проистекании в городе обычной незашоренной, неполитизированной жизни, столь симпатичной мне.

«Отдам пианино. Самовывоз.

Отдам растение «золотой ус» для приготовления настоек.

Продам щенка.

Продам, персидских котят и зеленую мартышку в возрасте 3-х лет, рост 50 см.

Примут в дар щенка.

Продам шпагат конопляный».

На перевале

Геморрой влияет на твою жизнь
Реклама

Той весной, в конце прошлого века здесь, на перевале, было жарко. В переносном смысле. Объект повышенного дорожного риска.

Одна энергичная дежурная по городской управе устроила переполох, а телеканалы, благодаря утечке информации, его усилили. Началось-то с катаклизма. Не на сопке, в другом месте, в самом городе, на окраине, обращенной к Армани, в частном секторе, в непосредственной близости от инвалидного дома, который тоже, по всеобщей традиции, размещен в городской черте, ближе к массивам чистого морского горного воздуха – наблюдалось значительное оживление. Частная домовладелица ударила в набат: началось половодье, и дом у нее тонет. Пригнали скрепер дорожной службы, сдвинули снег, и полая вода с энергией застоявшейся лошади устремилась частнице в огород. Сюрпрайз! Надо было тут же, не сходя с места, скомандовать тому же скрепери́сту: сдвинь, мол, на метр снежную гору в обратном направлении.

Но тут проблема засветилась по большому начальству, понаехало воронков, не протолкнешься, а телевизионщиков еще больше, все-таки каналов в городе расплодилось выше крыши, каждый кушать хочет, а действующих лиц, творцов провинциальной истории немного: позируют, говорят, говорят, рады стараться. И перерезать ленточку.

Проблема яйца выеденного не стоит, но когда с телеэкрана информация звучит многократно, в одну точку мозга долбит, подмалеванная действительность приобретает зловещие краски. Вроде того, что вот-вот обвал земной коры произойдет.

Все дело в формате. Как говорится, формат вашего плача подходит к формату нашего носового платка. Раньше на залитые огороды никто внимания не обращал, а теперь наводнения одно за другим случаются в стране, вот и в Магадане дуют на воду, еще не обжегшись на молоке, хотя молочный завод уже приватизировали.

Ударим по наводнениям сухим законом! Даешь усушку и утруску!

Можно и с другого конца раскрутить: психбольницы во все времена облагораживают местность, очищают атмосферу коллективной аурой. Психостационар на 23-м километре, далековато отсюда, а вот Дом инвалидов – рядом. Тоже божьи люди, излучение от них, благодать. Господь вместо вечного покоя дарует болящим свет в душе, но не все его видят, и тут сияние проливается, подобно лунному, на печальные поляны, кривые лиственницы и плакучие ивы. А кому-то и клиническая смерть дается, чтобы астрально вышел из тела, огляделся с высоты птичьего полета, увидел себя со стороны, понял обуревавшие заблуждения, поменял минус на плюс.

А ведь еще не стихли вопли в районе Инвалидки, где по поводу наводнения назревала угроза сухой голодовки протеста в отделении для больных с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Параллельно выполз другой катаклизм: надо же было случиться, что Арманский перевал накрыло пургой, видимость упала до ноля. Что, в общем-то, случается несколько раз на дню, но проходит мимо красивых зорких глаз телевидения. А тут наглядно автобус ПАЗ в снегу по шею увяз. Людей стали спасать все, кому не лень. Бензовоз шлифанул, машину развернуло, дорогу перекрыл своей мощной тушей, над пропастью, считай, завис. В пропасти машинки упавшие – как игрушечные, с высоты видны. Десятка два я насчитал.

Места на дороге, отвоеванной взрывчаткой у скалы столько, чтобы уазику пройти впритык, а ПАЗ – пас. Не проскользнет. Несколько пассажиров с него спокойно слезло и оди-

ночно уехало с попутчиками в город, а оставшиеся в ПАЗе примерзать стали, греются внутренним жаром, собственную ауру напрягают, острой лексикой злоупотребляют, шутками, прибаутками. Поют: «Ой, мороз-мороз, не морозь меня». Тащат замерзший автобус тросом, подцепив к грузовику. Смазка промерзла, колеса не крутятся! Лопнул трос. Хорошо хоть, никого не задело. Нашелся запасной тросишко, а кровь кипит, требует подвига. История так себе, пустяшная по местным понятиям, а раздули ее телевизионщики, будто папанинцев спасли.

Может, настоящие папанинцы – тоже преувеличение? Не нашелся еще деятель, разоблачить их, а ведь, казалось бы, все уже разоблачено, в том числе магаданские облака с мгновенным снежно-дождевых эффектом.

Золотое солнце, серебристые облака!

Стереотипами живем, сермяжная правда никому не нужна, важно лишь, под какой шаблон тебя тупомозгососые журналеры подгонят…

И вот блаженство

С какого ни заходишь боку,
все нет и нет припеку

После общения с морем испытываешь необыкновенное чувство свободы, раскованности кандалов и наручников, развязывания крыльев и разлепления скотча – во всех местах, где был подвергнут сценическим зажимам. Свобода от излишеств в теле наступает. «Набей меня», – желудок просит.

Армань – это для выходного дня подходит, но морское блаженство есть и ближе. Если в твоем распоряжении лишь пара-другая часов, едешь из центра на берег бухты Гертнера. В море, близ Кедрового ключа, есть чистое место, к нему можно сойти с дороги по валунам, съехать на «Жиге», а тут красуется джип, хозяин которого лоснится от крутизны. Этакий полноприводной джигит.

Когда входишь в воду бухты и тебя обжигает ее невысокая температура, приходит на ум картина Петрова-Водкина «Купание красного коня».

А когда выходишь, рождаются нервические строки: «В воду кунайте, кунайте и Дип-кунайте, и Орбакайте, стрекайте, и вынимайте»…

Думается, японцы – все левши, раз у них руль справа. Вот и Витюша Иванов лишен водительских и родительских прав за управление ребенком и его игрушечной машинкой в нетрезвом виде.

Только что генерал Рохлин убит выстрелом в голову, и от этого ничего другого не приходит в голову. Накануне по телевизору передавали такую информацию: «Неизвестный маньяк застрелил из автоматической винтовки 9 человек за 2 минуты 36 секунд. Это на 15 секунд быстрее прежнего рекорда». В Штатах дело было.

Берег бухты Гертнера усеян тушками горбуш с отъеденными головами. У кого-то шалят нервы, а у нас нерпы. Кровь северного человека закипает при нуле градусов. Среди валунов не так уж холодно. Или прогрелось, или поменялась формула крови. Все про глобальное потепление толкуют, один Магадан остается, где спасаться от жары.

Мужик на джипе, как и ожидалось, кавказец, и сразу мерещатся шашлыки. Воображаемый аромат трепыхается в глотке. Машина абрека, словно верный конь, стоит у самой воды, будто бы бьет копытом. На море прилив, и скоро резина колес станет соленой. В четырех метрах от джипа серый лед площадью несколько квадратов сохранился под сенью кустов с зимы. На льду можно охладить пиво. Если бы оно было.

«Мачехой клянусь! Отчимом!», – слышится убедительный возглас все того же абрека, он медленно передвигается на джипе по валунам и уже убрал несколько каменюк с пути совместно с другим джигитом. Врожденный гений благоустройства. Люди возвращались с отдыха с большими рюкзаками, каждая группа снимается на валунах, радуясь приобщению к цветной пленке «Кодак». Красивая точка берега привлекла художественно одаренных подростков, они оставили на камнях рисунки цветными мелками, стилизованные под глубокую древность. По рисункам ползает огромная перламутровая муха. Будто что-то понимает в изобразительном искусстве. Может, позирует?

Резиновая лодочка проплавает мимо, пока я плыву. Тело держу в воде, голова над водой, хорошо слышу, как от воды рикошетят звуки. Голый мужик в лодочке гребет маленькими, словно игрушечными, веслицами.

Ручеек сбегает сверху, по склону. Чайки парят над моей головой почти вплотную. Стальной цвет воды, акварелью очертанные острова. Чайки, будто нарисованные одним

взмахом колонковой кисти, крыжат мои мысли. Быть Магадану на пару дней южным городом! Сегодня рекордная температура воздуха +26.

Как бы нам изловчиться, солнцем напитаться на будущую зиму? Размышляю, как включить память тела, погруженного в соленую жидкость, ощущаю соль кожными рецепторами, во рту у меня солоно и в носу все отмякло, подогретый воздух, насыщенный солью, вбираю всей грудью, мне радостно и тоскливо: сегодня у нас лето. Сезон, длящийся один день.

Для отвода глаз генералу Рохлину выстрелили в голову.

Во мне рыдало все и пело,
как полноводная река.
Своя рубашка липнет к телу;
Кольчужка больно коротка.

Сын оставил туфли с солнечными очками на валуне. На обратном пути пришлось помочь ему отыскать их. Камни в известковых полипах. Идешь, как по шурупам.

И на остров Итуруп брошу свой прохладный труп.

Пока мой парень купался, вода прибывала, подбираясь к оставленной одежде, лежащей на обуви, и уже тронула подошвы туфель. Камни, по северным меркам, теплые, вода тоже. Валун ржавого цвета со следами чаячьего гуано – белого и непривычного фиолетового цвета, напоминающего школьные чернила. Теплые камни и теплота тела. Признаюсь, меня всегда смущало написание Пушкиным фамилии величайшего бабника Донжуана. Дон Гуан.

Высохшие ламинарии похожи на рыбацкие сети.

Красная «японка» с раскрытыми дверями. Музычка. Романтические берега вровень с горизонтом, если смотреть из воды.

Сегодня особый день: открывается сокровенное знание и незнание. Интеллектуальная собственность, добытая ценой потерь и озарений, несчастий. Нам бы не хотелось это знание кому-то передавать, ни за какие коврижки. Мы ненавидим тех, кто добудет эту сокровенную информацию о северной природе другим, более коротким, вивисекционным путем. Кому переплывет она в руки. Как ни за понюх табаку уже отдали во всеобщее пользование годы наблюдений биологов, геологов, археологов. А ведь люди годами жили ради этого в мерзлоте, а сколько друзей и коллег недосчитались!

Колымские геологи, у каждого многие тысячи километров по горам и речным долинам намотано. У многих к пенсионному возрасту наступает кризис, и тут важно, чтобы сердце выдерживало. Силы воли им не занимать, но кроме мужества, нужны здоровые жилы.

Один из них дважды приезжал в Хабаровск, намереваясь сделать шунтирование сердца. Ему отказывали. Прилетел в третий раз. Поставили шунты. Кому надо, на лапу дал.

Операция прошла удачно, но потом стало хуже, и сердце не выдержало, остановилось. Говорят, я встречался с ним в какой-то компании, но, увы, я этого не помню. Да разве это что-то бы изменило?

Волны покачивают мой разум, словно буек. Я чувствую прилив морской болезни, но лишь на мгновение.

У самой кромки воды кружат и не садятся на голову комары. Правда, не такие уж активные и злокусучие, как в лесу. На море их вообще быть не должно. Видимо, более активное поведение связано с отсутствием ветра и теплотой воздуха. В нормальную прохладную погоду они и не думают кусаться у моря. Их сдувает ветром.

Кино и Немцов

Ты имеешь право? А я имею лево!

Тем временем в Магадан приехал Немцов. Как Киркоров, только не поет, – говорят о нем с придыханием наши шикарные, не забалованные мужским вниманием женщины. (Правда ли, что в городе Горьком, когда выпивают, кричат: «Горько»? Нет. Кричат: «Низко», ведь город Горький обратно переименован в Нижний Новгород).

Магаданский Немецкий дом зашевелился, надеясь на встречу с Немцовым.

Один магаданский бизнесмэн выставлял кандидатуру на выборах, и кореша напутствовали его: мол, за тебя пасть порвем и ноги вырвем, а имиджмейкер сформулировал: «Ты вступаешь на трудный путь, и от тебя ждут, что твои брюки никогда не будут на людях расстегнутыми, а на них такие стрелки, будто ты из них изготовился стрелять из положения „лежа“, понял?». Вообще-то старая история, но с приездом человека из правительства она, как перелицованный пиджак, засияла новизной.

Прогуливаясь в центре Магадана по Аллее памяти, где, говорят, ветераны строительства социализма забывают собственный склероз, Немцов ответил на нападки городского диссидента, который выпускает частную газету, якобы на деньги ЦРУ. Диссидент за словом в карман не лезет, оно ему не по карману, но кого угодно в конфуз введет – словесным кун-фу.

Не на того напал. Борис Младший отшил его. Мол, лично я ничего не украл.

(Ты эстет, и я эстет. Оба мы эстеты. Ты кастет и я кастет, вынули кастеты).

Вообще-то иная кухарка, управляющая государством, чувствует себя не в своей тарелке, словно она прачка. Все дружно заговорили, что Немчик – родственник Свердлова, а немало магаданцев приехали из города, лишавшегося имени Якова Михайловича.

Там расстреляли царскую семью. Судя по аллилуйям и осаннам демократов, выражение «Нет пророка в своем Отечестве» относится и к императору Николаю II, «образованнейшему человеку Европы, автору мирных инициатив».

Магаданцам не в диковинку видеть на улице федеральное начальство. А Немчик такой кудрявый, свой в доску Почета.

Киркоров в столице Колымы тоже был, сравнение двух красавчиков родилось не на пустом месте, для Аллы купил в магазине «Алмаз» ожерелье, ему нашептали: мол, из колымского золота, самое лучшее.

Сочувствовали Филиппку: примадонна спелась с хором геев из Нью-Йорка. Мало ей Бори Моисеева.

Да не парься, и Пелагея пела про гея.

Мол, не удивимся, если Филя, в пику жене, выступит с хором женщин с острова Лесбос. Ему продемонстрировали наш стриптиз-бар, совмещенный с бистро «По-быстрому».

Но ажиотажа и в первом, и втором случае было меньше, чем когда приезжал Ельцин. Президент дал прежнему губеру, Михайлову, семь тонн нашего же золота – кредит для развития производительных сил. Новый глава администрации, Цветков пытался понять, куда, подобно растворимому кофе, девался тот драгоценный металл.

Когда у президента насморк, всю страну трясет лихорадка. А уж отдельно взятая область, хоть бы и Магаданская, – и подавно в семибальном землетрясении.

И второй вопрос: куда девалось сто тонн золота с Кубаки?

Кстати, если короля играет окружение, то телезвезду – короли. Одна наша местная хозяйка канала, когда выдавала в эфир заключительную передачу о пребывании Президента, как бы кричала на прощание «До свидания, Борис Николаевич. Приезжайте еще». Она подносила микрофон к самым губам, и, благодаря форсированной громкости создавалось ощу-

щение, что дочь провожает родного папашу, именно ее слышит он и машет рукой именно ей. Телезрители имели возможность рассмотреть и оценить дорогую шубу ведущей, с точностью до рубля. Наша красавица и в Африке будет в шубе щеголять в жару.

Ой, к нам и Жириновский зачастил, молва уже прикатила, что будет баллотироваться в губернаторы. Всем невольно вспомнился лозунг прежних лет про Чукотку: «От жирника до атома». Жирик взял за моду выступать на площади у храма и, чтобы собрать аудиторию, раздает деньги. Направо и налево! Молва усиливала масштаб раздачи примерно в 9,5 раз.

Пипл возродится

Реакция Вассермана выявила в городе двух граждан по фамилии Вассерман, одного Вассерманц и одного Вассерманченко

Один бизнесмен, уполномоченный Жирика по партии, как-то раз встречается мне по дороге, делится проблемами водочного бизнеса. А меня подмывает спросить про жирность спецводки с портретом Жировольфовича на этикетке.

Проблем, конечно, море. Кто пьет огненную воду со льдом, играет не только с огнем, но и мечом. Гораздо проще было бы раскрутить автостоянку. Пустырь пустырем, и вдруг его обносят забором и качают деньги из воздуха. Но что теперь-то кулаками махать, раз завелся на водку.

(Пройдет совсем немного времени, и археологи найдут на Ольском плато, близ Магадана, стоянку древних людей, возрастом 20 тысяч лет. Трудно удержаться, чтобы не начать подсчитывать, сколько можно было бы выручить денег, будь там все годы платная автостоянка).

– Я, – говорил жириновец, – введу в своем алкозаведении должность социального работника. И рюмочную открою, льготную. Пусть приходит ветеран, клюкнет с друзьями дешевой водочки, и станет ему хорошо, а мне тоже.

Встретятся в той рюмочной Непомнящий и Неизвестный. Разойдутся, оба невменяемые. На Западе старушки кооперируются, – показывает свою глубинную осведомленность жириновец. – Если две квартиры двухкомнатных на двоих, они одну продадут, на вырученные деньги в путешествия ездят. А наши все боятся, как бы не объегорили. Или пропивать начинают наперегонки.

Хоть и закадычные подруги, а привычки доверять нет. Да и квартирный вопрос всех испортил, без исключения, это еще в начале прошлого века подмечено. Тут и дети родную мать запросто кинут, не говоря о близнецах-братьях. А что старушенции? Старика бы какого-нибудь взяли с собой пожить. Может, ведро с соросом (мусором) вынесет.

– А напьется и обеим голову отвинтит? Тогда что? – спрашивают старушки. Это еще один вопрос, на который нет приемлемого практического ответа.

Адам всегда ставит вопрос ребром. А Ева работает методом тыка в тыкву. И клюка в клюкву. Где старичка взять? Да на теплотрассе – отмыть, подкормить, так обязательно инженером окажется или журналистом.

…Для дам благодетель держит портвейн №13 – цифровое качество.

Из глубины почти забытой
бутылка вермута и ты.

В груди колотится копытом
конь мечты.

Появилась в городе вражья сила, непьющие. Например, АА – анонимные алкоголики, американского типа, которые, в сущности, никогда и не знали, что такое пить по-настоящему, по-черному, как изобразил художник Казимир Малевич на картине «Черный квадрат».

Нас им никогда не перепить. (Американцы, будь они неладны). Они рядом с нами трезвенники в своей массе. Сухой горбачевский закон породил мокрое беззаконие. До страшного доходило.

– Я, – откровенничает алкожириновец, – уже второго сына своего друга, тоже алкобизнесмена, хороню: зверски убили, расплющили лицо, сделав неузнаваемым. А ведь тоже был анонимным алкоголиком.

Наши пьющие люди не нуждаются в анонимности, всегда остаются личностью и готовы на компромисс, пусть не закусить, так занюхать. Когда вернешься с другого конца планеты, это заметно.

Сам-то, мой липучий собеседник, отдыхал в Латинской Америке, только что вернулся, и свежим глазом наш бардак ему заметнее. Шубу, вон, привез из Аргентины, никак продать не удается. Жене вез, а жена, будто подменили, никак не привыкнет. И поговорка про коней, которых не меняют на переправе, плешь переела. Жена у жириновца не первая и не вторая, он и сам со счета сбился, поскольку счет в каждом случае разный. В том числе гамбургский.

У магаданцев собственная гордость: пить родную водку в любой точке мира, провозя сквозь кордоны в грелках. «Зачем вам грелка в тропиках?» – вопрос на таможне. Все-то им растолкуй.

«А чтобы как Тузик грелку».

Геометрия у нас такая: наряду с черным квадратом, красный треугольник иметь (торговая марка галош).

Потом появилась марка «Две монеты», так это кеды, которые мы с Валеркой называли кеты, запутывая в понятие Кета – красная рыба, лосось.

Вон, наши, бывшие магаданцы, организовали общину старообрядцев в Уругвае. Баньку топят эвкалиптами. Жена ругает в Уругвае, а ты сам себе Сенкевич.

Детская забава: «Парагвай, Парагвай, кого хочешь, выбирай».

Огневого задора кубинцы, поклонники кубизма – как высшей формы квадратуры круга, побратались с полтавчанами, в полушарах шаровар.

Казино у нас, в Магадане, понаоткрывали с избытком. Нам бы какой-нибудь международный аукцион к себе перетащить, – прожектерствует алкодеятель. – Вот бы озолотели. Банк «Неудержимый» и банк «Ва» согласны вложиться в дело, особенно если строить лыжный курорт на склонах Марчеканской сопки. Куршевель можно затмить, если заинтересовать мордобоем и оргиями в широком смысле – Георгиями. Должность массовика-затейника ввести по этой теме. Национальные виды – стенка на стенку, спортивный вальс с перебором партнеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.